

Пусть читателя не смущают труднопроизносимые географические названия. Придуманы они индонезийцами, а автор лишь использует их для привязки событий к конкретной местности.

Перелёт-недолёт

Тридцатиместный двухмоторный самолёт из аэропорта Манилы вылетел в Джакарту. Набрал высоту около трёх тысяч метров, плавно, без качек и надрывного гула моторов, следует по курсу. Некоторые из пассажиров через иллюминаторы наблюдают за плывущими на границе морей островами. Они привлекают неповторимостью форм и размеров. Эти разбросанные в океанических водах участки суши изобилуют разнообразной растительностью. Размерами они от крошечных необжитых клочков до больших, обитаемых людьми. Отличаются и разнообразием форм: вытянутые в узенькие полоски сменяются круглыми, словно Создатель сотворил их с помощью циркуля.

Рядом сидит Семён Павлович. Он по этому маршруту пролетает четвёртый раз. Его не интересуют острова и уходящее за горизонт Южно-Китайское море справа по курсу. Изредка он приближается к иллюминатору соседа, чтобы сориентироваться, долго ли ещё лететь до промежуточной посадки на острове.

Юре всё интересно. В столице Филиппин летели другим маршрутом, и здесь он впервые. Сквозь толщу атмосферы море под ним кажется голубовато-зелёным. Вечнозелёная островная растительность тоже приобрела чуть голубоватый оттенок. Прямо по курсу показался длинный узкий остров, и пассажиры в разговорах стали произносить слово «Палаван».

Почувствовалось, что пошли на снижение. Стюардесса на филиппинском и английском языках оповестила, что самолёт идёт на посадку в аэропорту Пуэрто-Принсеса. Четверо попутчиков завозились в креслах, укладывая лёгкие сумочки, взятые в полёт, — они готовятся выходить. Походные сумки россиян — в багажном отделении. При себе только кейс и проездные туристические документы. Командировка оформлена как туристическая поездка. Таковы тонкости работы в ведомстве.

После непродолжительной стоянки самолёт вновь взмыл на прежнюю высоту.

Узка полоса острова с его городами и селениями осталась позади. Исчезли из вида и небольшие обработанные участки, отвоёванные местными крестьянами у тропиков. Отличить зелень полей от окраски дикой растительности можно только перед посадкой и при наборе высоты.

А под крылом гористые участки, плавающие в волнах океана, сменяются почти плоскими низменными коралловыми островками, похожими на надкусанные бублики.

«В опоясанных сушей лагунах должно быть спокойно даже тогда, когда над океаном бушует тайфун», — предполагает наблюдатель экзотических картин.

Лес покрывает все участки суши. Даже там, где видны горы, всюду леса. Юра знает, что деревья тропических джунглей с их гигантскими стволами в высокогорья не поднимаются. Выше горы обжиты пальмами разных видов, лиственными породами деревьев и древовидными папоротниками.

Молодому путешественнику известно и то, что среди растительного разнообразия кишат многочисленные сообщества живых существ — от муравьёв и бабочек, от крокодилов и змей до высших млекопитающих. Есть в лесах и давние родственники человека — обезьяны. Юрию не хочется верить, что род человеческий пошёл от созданного Богом Адама и от сотворённой из его ребра Евы.

Море исчезло, и под крылом распростёрлась малайзийская часть острова Борнео. Индонезийская часть острова называется Калимантан.

В городах Малайзии и Индонезии борт филиппинской авиакомпании плановых посадок не делает. Остаётся ждать конечный пункт перелёта. — Летим без набора высоты. Посмотри, увидишь интересное для себя, — Павлович обратил внимание соседа на вид за иллюминатором.

Невдалеке возвышается гора, вершина которой много выше пролетающего лайнера.

— Её высота более четырёх тысяч метров. Гора Кинабалу — самая высокая на Калимантане и в архипелаге, — добавил старший коллега.

— У нас в Саянах на горах выше полутора тысяч метров лежат если не ледники, то снежники. А здесь более четырёх тысяч, а на южном склоне даже макушка без снега. Да и есть ли разница юга и севера

вблизи экватора? Из земли вырастают скалы, и всего-то. Это не только интересно, но изумительно для меня! — эмоционально ответил Юрий Ильич.

Коллеги между собой общаются по имени и отчеству.

Стали встречаться стайки облаков. По мере продолжения полёта они становятся всё насыщеннее влагой, больше и гуще. Вскоре просветов не осталось, остров исчез под сплошным слоем туч. Туман, в котором оказался самолёт, конденсируясь, косыми струями стекает по стеклу иллюминатора. Это зрелище скоро надоело Юрию, и он, отвалившись на спинку кресла, закрыл глаза.

Семён Павлович дремлет рядом. На его коленях, под журналом, лежит пристёгнутый к левой руке кейс с документами. С виду обычный кейс с кодовым замком. Но Юра знает, что он бронированный, термостойкий и водонепроницаемый. Ясно, что документы российского военного ведомства требуют таких мер предосторожности. Павлович пересёк сорокалетний рубеж — он главный. Юрий Ильич сопровождает шефа по командировке, чтобы в случае необходимости оказаться телохранителем старшего коллеги, спасти документы, если с Семёном Павловичем что-то случится.

Вошли в обширный участок тропической грозы. Молнии разрезают пространство вокруг рукотворной птицы, ярко прочерчивая в густом тумане косматые ветвящиеся зигзаги. Раскаты грома не слышны, рёв моторов заглушает звуки, рождающиеся в пространстве, окружающем самолёт. Вдруг всех ослепило и трянуло так, будто неведомый великан злобно отбросил что-то ненужное, не задумываясь, что внутри могут быть беззащитные существа — люди.

В мгновение в сознании Юрия пронеслись воспоминания, как он летним вечером ехал с дедом с покоса. Приближалась гроза, и дед гнал лошадь. Телега подпрыгивала на ухабах, её кренило с бока на бок. А лошадь неслась во всю прыть, не предполагая, что этим создает неудобства ездокам в грохочущем тарантасе. «Случилось что-то неладное», — сообразил юноша.

Моторы взревели надрывно, а давление с сиденья стало смещаться на спинку кресла.

Крушение

Стюардесса метнулась в кабину пилотов. Вышла, не задержавшись там, и скороговоркой на родном и английском сбивчиво объявила:

— Идём на вынужденную посадку в аэропорту Банджармасин. Всем пристегнуть ремни и соблюдать спокойствие.

Мгновение спустя женщина-пассажирка визгливо прокричала по-филиппински:

— Ма-ама! Ой, мамочка! Мы па-а-адаем!

Мгновенно салон наполнился истерическими воплями обречённых пассажиров — их охватил

неописуемый ужас. Рвущий перепонки визг смешался с бранью и проклятиями, отпускаемыми на всё и всех, включая и Всевышнего. Кто-то машинально шепотом воздаёт хвалу Аллаху, другие осеняют себя крестными знамениями. Несколько пассажиров, потеряв рассудок, бросились к двери, тщетно пытаясь открыть её, другие так же тщетно отрывают обезумевшую публику от уцелевших дверных затворов. Сплошной рёв объятых ужасом людей можно сравнить лишь с гулом, создаваемым стадом рассвирепевших в бою буйволов.

Семён Павлович пытается выглядеть хладнокровным. А что делать? Бежать некуда. Остаётся ждать приземления. Насколько жёстким оно будет — предсказать невозможно. Юру охватил страх безысходности. От отчаяния он опустил голову между колен и обхватил её руками. В сознании мелькают обрывки прожитой жизни. Нет ничего, что могло бы вселить хоть чуточку уверенности на благополучный исход. Проносящиеся мимо иллюминатора клочья густого тумана указывали, что самолёт летит с круто поднятой вверх носовой частью, словно истребитель, пытающийся резко уйти вверх. Но тяги двигателей не хватает, чтобы взмыть в высоту. Машина летит по инерции вперёд и при этом теряет высоту — падает.

В какое-то мгновение хвостовой частью самолёт цепляет макушки деревьев. Он наклоняется на левое крыло, фюзеляж стал выравниваться в полётное положение. В следующее мгновение крыло врезалось в верхний ярус джунглей. Скрежет отрывающегося крыла добавил ужаса и тем, кто в глубине души ещё теплил надежду на случайную удачу. Машина стала заваливаться на спину — хвостовая часть пошла впереди и выше кабины пилотов. Душераздирающие крики пассажиров не могут заглушить даже скрежет рвущегося металла и треск лесных великанов. Часть салона с дверью оторвало, но фюзеляж выдержал, не разломился. Суматошно толпящуюся у двери толпу почти мгновенно выбросило в образовавшийся проём.

Неизвестно, сколько мгновений пронеслось, пока Юрий ощутил, будто кто-то льёт и льёт воду на его голову. Минувя тело, вода попадает на ноги. Какие-то клещи рвут левую ногу, и она скоро не выдержит, оторвётся ниже колена. А вода продолжает литься так, что невозможно набрать воздуха для дыхания. Вот-вот он либо задохнётся, либо вместо воздуха вдохнёт воду и захлебнётся. Покидавшее парня сознание вернулось.

Лайнер погружается в воду. По салону к кабине пилотов мчится вода. Он подвешен ремнём безопасности на уровне пояса. Вода касается ног, в ней только что была и голова. Иллюминаторы уже не видны. Часть кресел оторвалась при ударах, остальные висят. Около пилотской кабины — там ниже — водная стихия поглотила всё пространство. Кое-где люди шевелятся, пытаются

освободиться от ремней безопасности. Кто-то, отстегнувшись, погружается, и его уносит к кабине. Нет ни визга, ни брани, есть только немногочисленные стоны. Да и он сам стонет от нестерпимой боли ниже колена.

Сознание проясняется, но мешает сосредоточиться сплошной, порождённый болью монотонный гул во всём черепе. Юрий замечает разлом в фюзеляже.

Надо оказаться около отверстия, из которого мчится поток.

«Как пробраться туда раньше, чем водная стихия вытеснит из салона остатки воздуха? Где, на какой мы глубине? Хватит ли воздуха, чтобы вынырнуть?» — все вопросы только к себе, вблизи нет никого, кто ответил бы на них.

А поток уже касается груди и живота. Ноги и большая часть туловища в воде. Ремень стал давить меньше. Удалось отстегнуться и удержаться за кресло, чтобы поток не отнёс дальше от разлома, который может оказаться спасительным или пагубным. Усилив рук, кресло за креслом, парень приближается к рваной ране самолёта. Воздух остался только в щели, в которой едва помещается голова. А ниже всё поглотила вода. Течение в салоне прекратилось. Последний глоток салонного воздуха — и нырок.

Левая нога не слушается хозяина. Но есть другая нога и руки. Вынырнул и почувствовал запах топлива. Оно не успело вылиться из топливных баков при падении и растеклось по поверхности водоёма. Теперь вместе с водой оно стекает с волос и лба, щиплет глаза и кожу на голове. Но эта боль не идёт в сравнение с болью ноги ниже колена.

Крутнувшись в воде, отметил, что находится в озере или в лагуне. До ближайшей точки берега больше сотни метров. Вода тёплая и не сковывает мышцы. Боль в ноге замедляет движение, но берег становится всё ближе.

Опираясь на локти и помогая здоровой ногой, юноша выползает на песчано-илистый берег. Кожу на голове, весь левый бок и руку щиплет. Это топливо с одежды попало на раны. Юра разделся, чтобы осмотреть себя. Обращает внимание на то, что туфля осталась только на больной ноге — другая утонула. Решил, что потеря найдётся позже, из озера ей деться некуда. Глубоких ран не обнаружил, но садины разных форм и размеров кровотока. Стопа подвёрнута так, что сомнений быть не может: под коленом нога сломана.

Только теперь осознал, откуда он. Осмотрел береговую линию и поверхность водоёма, но ни Павловича, ни кого-либо из попутчиков нигде нет. Радость от собственного спасения сменилась горечью за погибших и тоской о предстоящем одиночестве в нескончаемых джунглях острова.

«Город должен быть не очень далеко, если стюардесса объявляла о вынужденной посадке. Но,

может быть, она назвала аэропорт приземления, чтобы успокоить пассажиров, избежать преждевременной паники?» — размышляет Робинзон современности.

Боль в ноге усиливается. Юра собирает вещи, чтобы добраться до кромки леса. Там как-то и чем-то надо зафиксировать сломанную кость.

Тропический ливень струями стекает по телу. Близкие раскаты грома заглушают все звуки. От грохота даже мысли прерываются и путаются. Яркая вспышка молнии вонзается в верхушки деревьев рядом с водоёмом и на мгновение ослепляет. Через миг в джунглях полыхнул огромный костёр. Как по ковровой дорожке, пламя несётся к воде и покрывает немалую часть поверхности водоёма. Выгорает вылившийся из баков керосин.

Огонь стремительно мчится по берегу, где только что прополз единственный спасшийся пассажир. Парень машинально отбрасывает одежду, впитавшую авиатопливо. Но пекло набрасывается на него самого. Ливень не успел смыть с тела остатки горючей жидкости, они полыхнули, опалив ресницы.

«Теперь я дважды счастливчик! Полученный ожог — сущий пустяк в сравнении с тем, что могло быть от горящей на теле одежды», — мысленно рассуждает участник жарких событий.

Ливень не даёт огню распространяться по лесу. Растёкшееся по воде топливо успело выгореть. Только в том месте, где покоятся обломки воздушного лайнера, продолжает гореть небольшой костёр.

Топливо из второго бака всплывает на поверхность и не даёт гаснуть остатку недавней катастрофы. Окрестности словно вымерли. Кроме грохота обезумевшей стихии — ни звука, ни шороха. Вся живность разбежалась, разлетелась и распозлась, потрясённая скрежетом разрушающегося лайнера. Наверное, должно пройти немало времени, чтобы всё живое вышло из оцепенения. Но жизнь продолжается, и всё само собой вернётся на свои места. Всё, кроме искалеченной ноги. Но здесь не вызовешь карету скорой помощи. Как-то надо справляться самому.

Исцеление

Превозмогая боль в ноге, юноша ползёт к кромке леса. В руке держит рукава, оторванные от рубашки, чтобы ими стянуть сломанную кость ноги. Отдохнув, добирается до стебля древесного папоротника, дотягивается до двух черенков листьев и отламывает. Отделив листья, прикладывает плоские черенки к ноге. Пытается проворачивать ногу за стопу. Резкая боль пронзает всё тело, он теряет сознание. Очнулся и вспомнил, что надо зафиксировать кость. Её разворот вроде удался. Чтобы нога оказалась прямой, не стал передвигать сломанную часть, а, преодолевая несносную боль,

сдвинулся с места всем телом. Тканью от рукавов фиксирует черенки к месту перелома. Целитель весь в поту. Во всём теле неимоверная слабость. Но Юра доволен, что теперь при движениях нога не будет причинять такую боль, как прежде.

— Только бы не потревожить перелом, не сместить приставленные друг к другу сломанные части кости. Я молодой, всё срастётся быстро, скорее, чем у пожилых людей, — вслух рассуждает парень.

Он снова подтягивается по стеблю папоротника, отрывает лист. Из черенка получилось орудие, которым можно рыхлить мягкую от дождя землю. Неизвестно, есть ли здесь растения со съедобными корешками. Голод не просто напоминает о себе, а заставляет действовать. От незнания, что именно может оказаться пригодным для еды, решает заготовить корешки разных растений. Перемазавшись в грязи, заготовки укладывает в кучки, чтобы, собрав их, помыть в озере.

Он почти не сомневается, что находится на берегу озера, а не лагуны. Ему хочется верить в это. Иначе пришлось бы признать, что за полоской земли — океан или широкий пролив между островами. Если так, то он на коралловом острове, который вряд ли обитает людьми. Измученный свалившимися на него передрыганиями, Юрий незаметно для себя засыпает.

Проснулся от нестерпимой жары. Дождь, начавшийся вчера, давно прекратился. Солнце успело оторваться от горизонта и нещадно палит кроны деревьев. Лучи не проникают до поверхности земли, но и она успела прогреться и испаряет впитавшуюся влагу. В атмосфере висит насыщенный запах отдающей влагу земли и преющей листвы. Желудок настойчиво напоминает о голоде.

Но где заготовленные корешки? Кто-то успел разбросать их за время сна. Только сейчас пленник обстоятельство осознаёт, насколько опасно оставаться в незащищённом месте.

— Надо, Ильич, смотреть в оба. Беда может нагрянуть в любое время.

Около одной из вырытых вчера ямок, где была кучка заготовленных корешков, валяется кожура. Недовольство незваным гостем, разбросавшим приготовленную пищу, сменяется радостью.

— Вот они — те единственные корешки, которые можно есть. Остальные несъедобны, потому и разбросаны. Ай да незнакомец! Вот какой он молодец! Кто-то помог избежать отравления.

Добравшись до орудия, стал усердно копать корешки под ближайшими такими же кустами. Добирается до воды, отмывает и съедает свежие припасы. Корешки отдают горечью, но терпимо, есть можно. Ощущение голода притупилось.

Нога опухла, болит, но такой острой боли, как вчера, больше нет.

— Пора позаботиться о пристанище, недоступном хотя бы для тех, кто не умеет лазить по деревьям.

Только как оторваться от земли самому? С больной ногой и без лестницы это непросто. Но возможно всё, если постараться. Рядом небольшой залив, место, защищённое от ветра. Надо обосновываться в лесной чаще около залива.

Ползком добирается до намеченной цели. Передвигаться по земле по-пластунски неудобно, пришлось искать подобие костыля. Опираясь на самодельный костыль, обходит густой кустарник, чтобы выбрать подходящее для убежища дерево. Он знает, как охотники сооружают лабаз для хранения съестных припасов. Но у него нет ни топора, ни других инструментов, чтобы бросить деревянные лаги в любые развилки на одном уровне. Здоровая нога ощущает под слоем мха что-то твёрдое.

— Всего-то — обыкновенный камень. Да, здесь нет ила, и камни встречаются на поверхности, — проносит поисковик.

Не найдя дерева, подходящего для сооружения убежища, по пологому склону спускается ближе к воде.

Наконец дерево с подходящими развилками найдено. Надо забраться на него. Юрий старается. Когда лианы росли, их молодые побеги сплетались с соседними стеблями. Позже стали прочными настолько, что теперь переплетения выдерживают вес человека. Таких природных лестниц с беспорядочно расположенными ветвями-ступенями оказалось множество. Там, где лианы проросли сквозь кроны кустарников, Ильич долго проделывает для себя лаз, обламывая ветки.

Добравшись до прочных отростков, поднялся в крону. Вот они, наиболее удобные для устройства жилища развилки. Ни пилящего, ни рубящего, ни режущего инструмента нет. Пришлось выламывать сук за суком, чтобы сделать прочную основу площадки-лабаза. Уложив ветки, переплёл их молодыми побегами, а получившийся настил закрепил к развилкам. Раздетый, он не вымокнет, но спать в сухой постели приятнее, чем под дождём. Над настилом появился наклонный навес. Крупными листьями накрыл строение. Получились мягкий матрац и крыша над ним.

Закончив сооружение убежища, поднялся в крону ещё выше и оказался среди досягаемых плодов. Сорвав несколько, заметил различие по спелости. Выбрал самые спелые. С ними спустился на землю, положил для «дегустации» незнакомцем. Опираясь на чудо-костыль, вышел на берег и собрал одежду.

Над обломками самолёта, как вечный огонь по жертвам аварии, продолжает выгорать авиатопливо. Из одежды оно выполоскалось проливным дождём. Остатки испарились солнцем, в полдень посылающим лучи почти вертикально.

— Подошло время обедать, «калимтанец», — бормочет Юра. — Да, теперь я житель джунглей

Калимантана, если это не лагуна кораллового острова. Неизвестно, как долго мне предстоит оставаться в этой роли. Одежду необходимо сохранить для «выхода в люди». Здесь нет никого, кого следовало бы не стесняться при нагоде.

Собирая вещи, вспомнил о потерянной туфле. — Не предстану же я перед людьми босиком? Надо искать.

Невдалеке, не обращая внимания на человека, около берега не спеша прохаживаются длинные местные цапли. Иногда кто-нибудь из них опускает клюв в воду и не поднимает его, словно остужает в прохладе прибрежных вод. Длинная тонкая шея изогнута, как вопросительный знак. Потом клюв появляется с трепещущейся в нём рыбой. Голова запрокидывается, и рыба проваливается, а птица продолжает неторопливую прогулку по прибрежной отмели. Серое с коричневатым оттенком оперение поблёскивает в лучах солнца.

Дальше цапель плавают гуси. Некоторые, изогнув шею, положили головы на спины. Одни, словно разморённые тропическим солнцем, отдыхают на водной глади. Другие изредка озираются по сторонам, издают короткое негромкое гоготание, сближаются. Иногда они ныряют, оставляя над поверхностью воды оранжевые лапы и серый хвост. Они сыты, спокойны, неторопливы.

С другой от юноши стороны, на большем удалении, чем гуси, собрались в две стаи бакланы. Те, что на илистом берегу, клювами приглаживают и смазывают жиром перья. Подняв и распластав крылья так, словно собираются взлететь, кончиками клювов касаются перьев на боках и спине. Они, в отличие от гусей и цапель, говорливы. Их крик сливается с криком сородичей, резвящихся на воде. Там всё словно кипит. Хлопая крыльями, птицы вспенивают поверхность, поднимают и разбрасывают по сторонам брызги. Они взлетают и тут же ныряют в гущу стаи. Удивительно, что при таком гаме они умудряются выныривать с рыбиной в клюве. К удачливому рыбаков бросаются соседи, начинаются догонялки на воде. Успевает ли проглотить рыбу ныряльщик, или она достаётся кому-то из наступающих его сородичей, в птичьей суматохе разобрать невозможно.

Вода мутновата, но до глубины по грудь просматривается. К счастью, потеря нашлась недалеко от берега. Поднимать одежду в жилище сразу не стал. Взобрался на дерево, непохожее на то, которое приютило его, и сорвал несколько самых спелых плодов. Как всегда, бормочет мысли вслух на одном из языков, которыми владеет в совершенстве. Спускается и оставляет снятый урожай рядом с другими плодами.

— Я всё проговариваю, чтобы не одичать от одиночества, не потерять навыки общения с носителями языков, необходимые в работе. Наверное, нас с Семёном Павловичем в ведомстве потеряли. Или

уже выяснилось, что мы вылетели самолётом, не достигшим аэропорта назначения. Как печально, что Павловича ничто уже не может волновать, заботить, беспокоить.

Хватило сил набрать даров ещё двух разновидностей деревьев. На ужин накопил съедобных корешков. Заготовил ещё три разновидности корней. Все кушанья разложил для «дегустатора». Но все «блюда» приготовлены не только для выяснения съедобности лесных даров. Так он решил войти в доверие к незнакомцу, чтобы при случае познаться с ним.

— Кто он, большой и разумный или совсем маленький зверёк? Кто предостережёт меня от отравления несъедобными корнями? Кто не тронул беззащитного во время сна? Ясно, что незнакомец не питается людьми.

От размышлений отвлёк нарастающий гул вертолёта. Винтокрылая машина пролетает далеко. Но и проследовав рядом, пилоты не заметили бы стоящего под густыми кронами пассажира разсыкиваемого лайнера. Быстро выйти на открытое место, на берег Юра не может. Не увидев следов аварии, пилоты больше не пролетят около озера. Огонёк над местом крушения в солнечный день с большого удаления остался незамеченным.

На следующее утро Ильич обнаружил, что ссадины выделяют жидкость, привлекая насекомых. Искупался и, загорая, стал размышлять о причине воспаления ран. Вчера они выглядели заживающими.

— Неужели это от листьев постели? Другого объяснения я не нахожу,— мыслит вслух озабоченный проблемой парень.

Чтобы убедиться, что раздражение ссадин пошло от постели, поднял в убежище четыре охапки листьев разных растений и расстелил их четырьмя полосами. Захотелось есть. Вспомнил об угощениях незнакомцу. Они оказались нетрунытыми. Решил ждать, когда «дегустатор» снова посетит эти места. Рисковать, есть плоды все подряд не решился. И в этот раз «калимантанец» утолил голод съедобными корешками. Вечером положил гостю новые плоды, а пролежавшие сутки очистил от кожуры и положил в воду около берега.

В воде отражается величие красок заката. Пурпурные у самого горизонта, выше они переходят в малиновые, а ещё выше и ближе— в бледно-розовые. От центра к краям полосы тускнеют и темнеют. Пурпурный цвет переходит в ультрамариновый, малиновый— в бордовый, а бледно-розовый— в жёлтый. Картина не стоит на месте. Полосы то расширяются и наползают одна на другую, то становятся тонкими, то разрываются на множество волокон, то искривляются и становятся волнообразными.

Постепенно всё меркнет, а у противоположного края горизонта появляются бледные светлячки.

Надвигается тропическая ночь. Светлячки звёзд разгораются на всём небе, становятся ярче, загадочнее, притягательнее. Нарождающийся серп луны появляется вслед за звёздами. Он так тонок, что к свету небесных светлячков его добавка невелика. Окружённый подмигиванием крошечных соседей, он отрывается от деревьев, которые не в силах даже на мгновение ни остановить, ни удержать эту небесную карусель.

Птичье многоголосие умолкает, чтобы с наступлением дня возродиться с ещё большим неистовством. Днём щебетанье, клецанье, криканье, кудаханье, насвистывание, карканье и ещё множество других песнопений крылатых жителей сливаются в неумолкающий до темноты хор джунглей.

С рассвета и до захода светила дикие куры, своими размерами сравнимые с домашними бройлерными, взлетают с земли и по несколько штук одновременно как бы пытаются усесться на какой-нибудь куст. Хлопая крыльями, они стряхивают на землю вызревшие семена и ягоды. Потом спускаются и подбирают осыпавшийся урожай. Яркоряженные петухи с алыми гребнями покоряют обилием красок и не оставили бы равнодушным любого наблюдателя. Но наблюдатель, способный ценить прекрасное, здесь только он, Юрий.

В кронах деревьев находит вдохновение множество пернатых: от мелких пичужек до павлинов. Окраска павлина превосходит по яркости петушину. Вот они — жар-птицы дикой природы! Не о них ли мы узнаём в раннем детстве из русских сказок? В ветвях крон третьего яруса «переговариваются» щеголевато-яркие попугаи и воркуют голуби в своём невзрачном, хоть и пёстром, наряде. А высоко в небе, где оно просматривается сквозь густую листву, беззвучно парят орлы, соколы и птицы, неизвестные «калимантанцу».

В тишине сгущающейся ночи еще слышен шелест о воздух крыльев пролетающей на охоту совы. Тишину пререзает жутковатый крик филина. И снова беззвучие, которое внизу могут потревожить шуршание мыши или попискивание других мелких обитателей этих обильных кормом зарослей. В завораживающее и убаюкивающее безмолвие может вкрапляться предупреждающее шипение змей разных мастей и размеров. У всех свои часы бодрствования, сна, охоты с едой.

Прошла ещё ночь, и большая осыривает ссадины. Там, где была полоска одного из сортов листьев, нагноение исчезло. Спустился, чтобы нарвать таких листьев ещё и заложить ими всю постель. Но он забыл о своём намерении, расстроенный тем, что снова не выявил признаков пребывания незнакомца: все оставленные для него подарки нетронуты. Какие-то мелкие грызуны оставили следы зубов на коже некоторых плодов, но их вниманием к приманке хозяин поклажи пренебрёг.

В воде плоды двух видов оказались истреблены полностью.

— О, да это же удача! Даже если плоды несъедобны для человека, они могут послужить приманкой для рыб. Если это не рыбы и не раки, то всё равно их можно будет есть. Животная пища была бы хорошим подспорьем к корешкам.

Кокосы пока недоступны. Да и возни с их вскрытием предостаточно — ни молотка, ни ножа под рукой. Забраться на высоту двадцать метров по гладкому стволу непросто и при здоровых руках и ногах. Пригодны ли в пищу дикорастущие бананы местной разновидности? Это Юре неизвестно.

Добраться до бананов тоже проблематично, но они вдвое ниже.

Позавтракав традиционным блюдом, принялся сооружать орудие лова. Из молодых побегов лиан стал плести морду. Он сам ставил такие хитросплетения под лёд, чтобы добыть налимов, когда жил на берегу Кизира в Саянах. К вечеру половина рыбацкой снасти сплетена. Завтра можно будет закончить плетение.

Ему, увлечённо занятому делом, вдруг показалось, что кто-то смотрит на него.

— Да кто здесь может смотреть на меня? Я же здесь один. Что это, галлюцинации?

Не из боязни, а машинально житель джунглей, опираясь на костыль, вышел из чащи на берег.

— Здесь в случае нападения ничто не помешает защищаться костылём. Постоять за себя сумею.

Юноша ещё не представляет, какие опасности таит в себе тропический лес, какие охотники ходят по земле и передвигаются по деревьям. Никто не выходит из тропической глуши. Звуков, указывающих на близкую угрозу, нет. Так же беззаботны птичьи трели, переливы и пересвисты. Нет рычащих заяков на первенство в округе, не доносятся крики испуганных животных — жизнь в джунглях продолжается в обычном размеренном ритме.

Юра возвращается в лес, чтобы заменить в постели приготовленные листья. Вдруг он обнаруживает, что двух кучек плодов нет, а по земле разбросана кожа от них. Съедены такие плоды, которые годны для приманки в готовящееся орудие лова. Лесной житель рад, он почти ликует, что рацион можно разнообразить. Незнакомец помог в этом. — Не его ли взгляд я чувствовал? Значит, мне не показалось? Появившийся пришелец будет навещать меня. Это не последний его визит сюда.

Счастливым, он запел пришедшую на ум песню. Даже боль в ноге стала ощущаться не так назойливо, как совсем недавно.

Да, утром Ильич отметил, что часть ссадин заживает. Один сорт листьев оказался исцеляющим. — Такими же листьями застелю всю поверхность постели, — решил он тогда.

Отведал кушанья, приглянувшиеся незнакомцу. Вкус новинок непривычный для россиянина

родом из Сибири, но приятный. Рацион питания расширился. К вечеру доплёл морду, положил в неё приманку и забросил в воду. В очередной раз медленно прочёсывает окрестность в надежде найти грибы. И снова неудача.

— Или место не грибное, или грибам сейчас не сезон — старается понять Юрий.

Он ещё не знает, каков вкус сырых грибов без соли. И приготовить их, кроме сушки, не может по незнанию.

Метод проб в лечении даёт отличный результат. Уже на следующий день убедился, что все ссадины скоро затянутся новой кожей. Боль ниже колена беспокоит, но она вполне сносная.

— Опирайтесь на сломанную ногу пока рано. Пусть срастается, — решает целитель.

Проверил поставленную снасть и остался доволен, что труд вознаграждён. В переплетениях трепещутся пять рыбин величиной с тихоокеанскую сельдь. Вспарывать животы, чтобы избавиться от внутренностей, пришлось палочкой.

— Ну, Ильич, без ножа это не чистка рыбы, а недоразумение.

Потребовалось плыть к самолёту, чтобы отломить кусок металла. Сначала рыбы шарахаются от ныряльщика, но быстро привыкают и подплывают до расстояния вытянутой руки. На глубине чуть более трёх метров долго сгибать рваный край обшивки не удаётся. Пришлось нырять более двадцати раз, чтобы желаемое превратилось в действительность.

Из металла камнями долго вырубает полоску для ножа. Камень часто вырывается из руки, скользит, высекая из пластины искры. На руках появляются ссадины. Работа оказывается более непростой и трудоёмкой, чем представлялась воображением. На камнях же оттачивают лезвие ножа. Ножны делает из бамбука. Успех воодушевляет умельца соорудить саблю и режущий наконечник к бамбуковому копыю. Копьё и сабля могут оказаться необходимыми для охоты и при защите от нападающего зверя.

Прошло две недели пребывания в джунглях. Незнакомец навещает стоянку через два-три дня, лакомится приготовленными для него плодами. Юрий успел научиться перепрыгивать с дерева на дерево. Чтобы не удариться о ветви ногой в месте перелома, в прыжке приходится выставлять вперёд здоровую ногу. Всего несколько прыжков по ветвям, а на ладонях и подушечках пальцев появляются мозоли. К вечеру они вздулись, один оказался не водянистым, а кровавым. Эти болячки невозможно игнорировать, но приходится крепиться.

Прыжки по веткам — наиболее приемлемый способ перемещения по дебрям джунглей. Раскачиваясь, продвигаться получается медленнее, чем при ходьбе по дороге, но о дороге в его джунглях

не может быть речи. При таком способе передвижения отпала необходимость пробираться сквозь чащи кустарников, проделывать лазы, обламывая ветви. Спешить некуда. С большой ногой ему отсюда не уйти. Вертолёт, совершив облёт участка предполагаемого падения, больше не появляется.

Знакомство

Утро началось точным повторением ранее прожитых дней. Ильич отмечает, что гость, как всегда незаметно, навестил его, расправился с угощением. Пора подкрепиться и самому. Он уже на дереве. Достает очередной плод и замечает, что сквозь густую крону за ним пристально наблюдает пара глаз цвета спелой чёрной смородины. Он не может рассмотреть, кому принадлежат блестящие «ягоды».

Чтобы не спугнуть и не вызвать агрессию соседа, спокойным голосом говорит о том, какой сегодня замечательный день, как здорово, что наконец-то встреча состоялась. Хочется приблизиться к незнакомцу, но неизвестно, как тот прореагирует на это. Аккуратно передвигается на другую ветку. Теперь он выше, и сквозь крону просматривается бурое пятно внушительных размеров.

Почти неслышно пятно тоже сместилось. Глаз не видно. Слышны работа челюстей и звуки, напоминающие чмоканье и чавканье. Тропический прищелец насыщается плодами соседнего дерева. Но кто же он? Неизвестный не проявляет признаков агрессии. Он не выказывает и страха. Иначе исчез бы с дерева раньше, чем стал заметен.

— Интересно, что будет, когда я перепрыгну на другое дерево?

Незнакомец ответил тем, что тут же оказался на освободившемся лакомом местечке. Юра возвращается и оказывается от гостя на расстоянии чуть большем размаха рук.

Теперь отчётливо видно существо, заросшее длинными бурыми волосами, а на соседней ветке детёныш. Окраска малыша светлее материнской, а волосы не так длинны. Маленькое существо чуть дальше матери. Оно, с опаской взирая на нового соседа, срывает и поедает плоды, как мать.

— Я вызвал ваше доверие, мои гости, тем, что передвигаюсь, как вы, по веткам? Полагаю, что мы поладим. Вам можно не опасаться вреда с моей стороны. А вы уже послужили мне, предотвратив возможное отравление. Надеюсь, что мы сможем быть взаимно полезными. Не зря же орангутанг с местных языков переводится как «лесной человек».

Юноша срывает плод и аккуратно бросает его в направлении малыша. Тот ловко подхватывает угощение и расправляется с ним. То же несколько раз проделывается и с мамой детёныша. Когда гостеприимный хозяин дерева съедает очередной плод и по одному посылает матери с малышом, неожиданно мать бросает в его сторону ответное

угощение. По примеру матери плод летит от ребёнка лесного человека.

— Отлично! Контакт налажен! — произносит человек разумный негромко, но радостно.

Он набирает несколько плодов и спускается, чтобы оставить угощение на земле. Гости не замедлили оказаться под деревом. Стоят на ногах и опираются на полусогнутые пальцы лап. Их положение в такой стойке почти вертикальное. Обезьяны приблизились на несколько шагов. Ближе подходить не решаются. С улыбкой, упрекая гостей в трусости и недоверии, юноша бросает им по одному плоду. Держа в вытянутых вперёд руках по угощению, медленно движется к тропическим созданиям Калимантана.

Останавливается так близко, что мать может взять угощение из протянутых рук. Большие пальцы на лапах почти одинаковы — ноги так же цепки на деревьях, как и руки. Но кривые ноги так коротки, что туловище взрослой особи начинается немного выше Юриного колена. Мать не решается взять угощение из рук. Детёныш проникся к новому знакомому бóльшим доверием, чем мама, и, приблизившись на шаг, протягивает руку к лакомству. Мать удерживает его и забирает плоды. Малыш ловко взбирается ей на плечи и становится обладателем одного из угощений.

Ильич возвращается к оставленной кучке лакомства и приглашает гостей подходить. И уговоры, и жесты остаются непонятыми. Он присел в надежде, что так будет казаться менее опасным. Рядом на деревьях много спелых плодов. Орангутанги могут насыщаться и без участия человека. Наверное, ими движет любопытство к похожему и так непохожему на них существу. Юра отодвигается на шаг, и это прибавляет решимости гостям. Они медленно приближаются.

— Вы не люди, но здесь нет никого разумнее вас. Не бойтесь, подходите. Знаю, что язык человека непонятен вам, но, кроме вас, здесь нет никого, кому можно сказать хоть несколько слов.

Хозяин «кухни» отмечает, что если мать имела бы ноги и туловище таких же пропорций, как люди, то при её телосложении могла быть ростом около полутора метров. Но стоя на своих коротких ногах, она достанет угощение из его вытянутой вверх руки — так длины руки орангутанга.

Когда гости приблизились, он аккуратно, без резких движений, встал и поднял плод. И не ошибся. Мать дотянулась до лакомства. Держа подарок на высоте, доступной детёнышу, приблизился к нему. Только теперь Ильич обнаружил, что мать с дочкой, а не с сынком.

— А я-то вас обоих называл незнакомцем, — признав ошибку, с улыбкой произнёс Юра.

Он снова присел на корточки. Лесные жители сделали то же самое. Человек разумный протянул руку взрослому орангутангу, как мы делаем при

встрече. Мать детёныша, помедлив, отняла руку от земли и остановила ладонь с полусогнутыми пальцами на уровне колена. Ильич аккуратно коснулся ладонью сначала пальцев, а затем и ладони примата. Пожатие сделать не решился.

— Если «дамочка» сожмёт мою кисть, то без хруста костей не обойдётся.

Мохнатая рука обезьяны и сила в ней не идёт в сравнение с рукой человека.

Юноша вынул ладонь и подал её малышке. Как поступить, та не поняла. Снова подал руку взрослой особи, теперь уже с лёгким пожатием, и получил адекватный ответ. После третьего рукожатия с матерью дочка сообразила, что надо сделать. Юра улыбнулся, а малышка в ответ изобразила на лице гримасу. Безволосая лицевая часть с выдающимися вперёд скулами преобразилась. — Мимические мышцы у вас хорошо развиты, — отметил «калимантанец».

Он встал и пошёл к воде. Лесные гости последовали его примеру, но остановились в десятке метров.

— Вода — не их стихия. Они, кажется, даже боятся её.

Рыбачья снасть оказалась с тремя рыбёшками. — Вот и хорошо! Хватает всем.

Ильич подошёл с трепещущей в руках добычей к попутчицам, отдал их долю и показал, что рыбу можно есть — откусил от хвоста и стал пережёвывать. Одна, а за ней и другая быстро расправились с непривычным угощением со всеми потрохами. Сложно решить, понравилась ли им рыба в качестве пищи — эмоционально это не отразилось.

Все трое снова в лесу. Попутчицы уже заедают рыбу лакомыми плодами, а юноша, передвигаясь по ветвям, оказался около пальмовидного растения. Под широкими листьями свисает огромная гроздь. По прочному травянистому стеблю из туго свитых листьев он добирается до грозди на высоте около десятка метров, срывает с неё кисти по несколько бананов в каждой. Деятельность не осталась незамеченной. Обезьяны расценили её как жест щедрости их необычного знакомого. Они быстро спустились и принялись лакомиться, сидя на корточках. Спустился и сам добытчик.

Расправляясь с бананами, человек и орангутанги «беседуют».

— Хорошие вы собеседницы. Никогда не перебиваете меня. Соглашаетесь молча, и несогласие у вас тоже молчаливое. Как же мне звать — величать вас, мои немыт — тыри? Однозвучно вы общаетесь между собой, должны же вы понимать какие-нибудь азы речи. Ваши имена должны быть звонкими, чтобы были слышны на расстоянии. Ты — мама. Тебя буду называть Ма. Как же назвать тебя, малышка? Да, назову тебя так, чтобы удобнее было звать обеих. Ма и Ня, запомните свои имена.

Юра каждой подал руку и во время лёгких рукопожатий назвал их по именам. Потом с парой кистей бананов отошёл на несколько шагов, произнёс:

— Ма и Ня,— и протянул экзотические ягоды перед собой. Снова позвал:— Ма, Ня.

Не потому, что друг подзывает их по именам, а к бананам подошли обезьяны. И получили их. Оставшиеся три кисти Юрий поднял в своё убежище. В этот день он успел вырубить камнями заготовку сабли. Процесс её обтачивания занял несколько следующих дней и стоил сбитых пальцев.

Тропические ливни участились. Сезон дождей достиг кульминации. Вода в озере прибыла, поглотив илистый берег, зашла в джунгли. Основание дерева, на котором построено убежище, оказалось в воде. Но Ильич может не спускаться на землю, чтобы оказаться на просторной «кухне», полной съедобных плодов и экзотических ягод. Он ловко перелетает с дерева на дерево по ветвям.

Чего стоила эта ловкость! Несколько дней все суставы от плечевых до кончиков пальцев болели. Даже ночью в мягкой постели «Тарзан» Калимантана страдал от ломящей суставной боли. Болели и мышцы, на которые перенеслась тяжесть тела. — Расту-ут руки. Ещё немного— и станут такими, как у моих друзей орангутангов.

Длиннее руки не становились, но сила и цепкость в них заметно прибавились. Он может преодолеть не одну сотню метров без передышки. Когда друзья далеко, окликают их:

— Ма, Ня.

Они привыкли к этому оклику и без промедления спешат на зов. А Юра угощает их очередным лакомством.

И вот небывалое событие— нашествие мартышек. Они шумно воркуют между собой, резво и бесстрашно перескакивая даже по тонким ветвям, раскачиваются на лианах, свисающих из поднебесных крон деревьев великанов. Их так много, что невозможно сосчитать. Наверное, не меньше тридцати. Беззаботное «разглагольствование» маленьких юрких существ мгновенно превращается в истерический крик стаи. Стремглав они покидают опасное место— двухметровый питон выдал себя шипением и характерным пощёлкиванием чешуек на скользящем по дереву извивающемся прохладном теле. Ильичу уже довелось видеть таких же размеров жёлто-бурую королевскую кобру. Спасло то, что был на своём помосте. Тогда он с трудом одолел ползучее существо с помощью единственного оружия—копья без металлического наколечника. Питон с шипением и потрескиванием чешуек последовал за юркими обезьянами, надеясь заполучить к обеду неосторожный экземпляр многочисленной стаи.

Сегодня «калимантанец» сыт и лежит под своим навесом. Дождь струится с листьев убежища.

Ма растянулась на ветках соседнего дерева. Её хорошо видно. Голова оказалась под нависшими листьями, лицо полусухое. Волосы, более длинные, чем на голове, свисают с её плеч. По ним стекает дождевая вода. Не капает, а льётся множеством тонких струек. Почти безволосый живот словно натёрт серым жиром. Ни одна капля не задерживается на нём. Взрослая обезьяна не обращает внимания на дождь. Близко поставленные глаза закрыты, словно она задумалась над чем-то.

— Интересно, а думает ли она? Способна ли она хотя бы вспоминать события в их последовательности? Есть же эпизоды, которые приятно воспринимаются даже её орангутангским умом.

Ма лежит. Ни одна мышца не шевелится на её лице. От взгляда не ускользнула бы даже малейшая гримаса умной обезьяны. Ня, не шевелясь, лежит на груди матери. Её лицо отвёрнуто от человека. Малышка не двигается.

— Спит. Даже к материнской груди не прикладывается.

Ня ест всё, чем питается мать, но иногда не прочь полакомиться материнским молоком. И мать позволяет дочке утолить жажду.

Юра задумался. А дома сейчас зима. Позади новогодние праздники, до наступления которых он и Павлович должны были вернуться в ведомство с подписанными документами. В канун Крещения Господня Юля стала бы его женой. Юноша романтик, но всё не так романтично, как могло быть. Заявление в загс, с назначенной для бракосочетания датой, оказалось бесполезной бумажкой. Он, один из брачующихся, как в воду канул. И впрямь канул— вместе с самолётом, а вынырнув, не может вернуться в родную столицу.

Перед взором отчётливо вырисовывается лицо невесты. Она не отчитывает любимого за исчезновение, а улыбается так, как при встречах после рабочего дня. Юля тоже работает. Она педиатр. И вот его любимая где-то далеко. А он почему-то ощущает себя мальчишкой на рыбалке с дедушкой. Они в шалаше, на берегу таёжного озерца. Дождь шумит по скатам их рыбацкого пристанища, а им тепло, сухо и уютно.

«Какая рыбалка, какой шалаш? Откуда может взяться тепло в январе? И где Юля?»

Мысли перескакивают с одного на другое, путаются, тревожат. Нет ощущения блаженства, какое ласкало душу даже в проливной дождь. В пору сенокоса дождь тёплый, не мешает проверять перемёты и единственную небольшую сеть.

Юрий просыпается. Сожалеет, что свадьба отодвигается. Если бы командировка не затянулась на неопределённый срок, то без проблем решил бы финансовый вопрос на организацию свадьбы. Но они с Павловичем не привезли документы с подписями. Коллеги, наверное, уже привезли подписанные копии. Сделка с представителями

Филиппин и Индонезии не сорвалась из-за крушения самолёта— в этом он уверен.

Иначе не может быть. Но кейс с секретной документацией государственной важности необходимо доставить в ведомство. Если он окажется в руках посторонних от сделки людей, могут быть неприятности и для местных партнёров.

«Но как его вызволить из водного плена? Как потом с кейсом пройти таможенный контроль? При состоявшейся в Маниле процедуре подписания местные коллеги сделали таможенный контроль простой формальностью. То же было бы и в Джакарте. Теперь я—рядовой турист. Бронированный чемоданчик невозможно пронести до замеченным таможенниками. Потом придумаю что-нибудь. Надо ещё найти и достать его».

Для выныривания из салона воздуха хватило. Но чтобы погрузиться на глубину, отыскать и отстегнуть кейс от руки Павловича, вернуться к проёму и вынырнуть, необходимо снаряжение аквалангиста. Проблему запаса воздуха и скорости придётся решать подручными средствами в малую воду на озере. Значит, придётся ждать окончания сезона дождей.

Ма и Ня беспокойно заворочались.
— Проголодались. Пора подкрепиться и мне.

Прикосновение к ужасам

Несколько прыжков по веткам— и Ильич уже около банановых гроздей. С ближайших деревьев на банан не перепрыгнуть— стебель может сломаться. Пришлось спуститься к воде, чтобы добраться до основания упругого травянистого стебля банана вплавь. Ма почувствовала опасность. Она беспокойно прыгает по ветвям, издаёт предостерегающие звуки. Все её передвижения ограничиваются тремя-четырьмя деревьями. Ня запрыгнула на спину матери.

Вдруг Юрия сковало от увиденного. В нескольких метрах от себя он заметил над водой голову змея, а дальше—извивающееся в воде тело.

Метров в шесть показалась ему рептилия.

По-обезьяньи быстро человек взбирается на дерево. Змей увидел спасающуюся добычу и, как живая спираль, обвивая ствол, ползёт всё выше. Прыжок, ещё прыжок— и опасность позади. Можно не возвращаться к банану, пищи хватит и без него. Но питон может ночью забраться в убежище. — Надо избавиться от ползучего гада, чего бы это ни стоило,— решает юноша.

С копьём и саблей прыгать по деревьям неудобно, но место, где он расстался с опасным пресмыкающимся, рядом. Внимательно всмотрелся сквозь крону и увидел обвивший дерево хвост. Голова где-то выше и не видна. Обезьяны продолжают проявлять беспокойство. Ня на спине матери крепко держится за плечи. Мать перепрыгивает с дерева на дерево и издаёт резкие звуки.

Юноша делает несколько прыжков в сторону и поднимается выше в крону соседнего со змеем дерева. Оказавшись над головой противника, пронзает его копьём. Попадает в туловище около головы. Выдернуть оружие, чтобы снова вонзить, Ильич не успевает. Змей, резко изогнувшись, вырывает древко из руки. В следующее мгновение бамбуковое копьё ломается. Остриё остаётся в теле, а древко падает.

Раненое чудовище готовится к нападению, а человек—к отражению атаки. Тело змея, как разжимающаяся пружина, выталкивает огромную пасть в направлении смельчака. Ярко-красная, с выступающими остриями зубов, пасть закрывает всю голову и выглядит очень угрожающе. Ма и Ня наблюдают за поединком с соседнего дерева. Пасть на расстоянии вытянутой руки. Сабля, звякнув о зубы чудовища, отсекает нижнюю челюсть. Потеря будто не замечена змеем.

Ещё мгновение— и обидчик вместе с деревом очутится в крепких объятиях. Рептилия может сдавить жертву так, что не выдержат кости грудной клетки. Но сабля вонзается в туловище, рассекая более половины смыкающегося кольца. Обе части надрубленного тела обвивают дерево там, где только что был саблист. Перемахнув на ветви дальше от ствола, он изо всех сил саблей наносит грозному противнику ещё несколько ранений, доходящих до позвоночника.

Чудовище оказывается всё ниже. Его движения превращаются в конвульсивные. Густая кровь стекает из всех ран, обагряя ствол и ветви. Юрий в несколько прыжков оказывается около воды, где свисает голова зверя, оставшегося лишь с верхней челюстью. Взмах— и голова падает в воду. Разгорячённый сражением боец успевает отсечь от сплзающей туши кусок, подхватывает его, не дав утонуть. В руках победителя трофей—змеиное мясо.

Оцепенение орангутангов сменяется активностью, какой парню ещё не доводилось видеть. Они перескакивают на большие расстояния, издавая звуки, понятные только им. Ильич догадывается, что это звуки радости по бесследному исчезновению их извечного врага. Спустя некоторое время обезьяны успокаиваются и приближаются к другу. Дочка остаётся на спине матери. Там ей спокойно.

Юноша угощает Ма и Ня кушаньем, отведать которое они не могли без участия человека. Жаль сломанное в бою копьё. Точнее, жаль металлический наконечник, утонувший вместе со змеем. Его можно будет найти, когда уйдёт вода. Сабля—хорошее оружие, но её можно применять только на близком расстоянии.

Ильич из подручных материалов сооружает лук. Ветвь красного дерева упругая и прочная. Стрелы—из древовидного папоротника, всюду торчащего из воды. С луком передвигаться

по деревьям удобнее, чем с копьём. Из травы он плетёт колчан. Высыхая, трава теряет необходимую прочность. Четыре сорта трав опробованы для колчанов.

Лишь пятый колчан и пояс оказались крепкими, будто сплетены из рогожи. Из этого материала сплёл чехол с парой лямок, как у рюкзака, для ношения за плечами копья. Это оказалось очень удобно при передвижении по ветвям. Теперь можно путешествовать с друзьями-орангутангами, не возвращаясь на стоянку каждый вечер. Шина с ноги снята, можно опираться на обе конечности даже при прыжке.

Лук — замечательное оружие. Он может пригодиться и при выходе к людям. Но чтобы стрелять метко, нужны тренировки. Он освоит тонкости стрельбы, когда спадёт вода. А сейчас, в период наводнения, стрелы летят в кур и голубей, чьё мясо привычнее, а потому вкуснее змеиного. К тому же змеи встречаются реже, чем пробуждается потребность в мясе.

Юре понятно, что он в горной котловине или на плоскогорье. Но береговая линия кажется необычной для озера — слишком изрезана. Вспомнил детские годы, когда с классом ездил на Красноярское море. Водохранилище гидроэлектростанции заливами и заливами врезалось в ложбины и распадки теснящих Енисей Саян. Здесь таких гор нет, но местность не плоская. Взгорки, окружающие водоём, покрыты такими же джунглями, как и около самой воды, выплеснувшейся из берегов зеркальной гладью.

— Надо обследовать местность вокруг. Пройду на северо-восток, к тому мысу, за которым просматривается протока. Возможно, что по ней озерцо соединяется с другим озером.

Утренний завтрак недолг. Без каких-либо приготовлений отправился на обследование. Вскоре заметил, что Ма и Ня путешествуют рядом, ненадолго задерживаясь, чтобы продолжать завтрак. — Хорошо, пусть будут рядом. Их звериное чутьё предупредит об опасности. Совсем недавно я мог оказаться добычей для живого длинного и толстого «каната».

То, что с расстояния менее полукилометра казалось мыском, в действительности островок, отделённый от берега узкой полоской воды. Песчаный пляж навевал желание позагорать, пока между облаками ненадолго появляется солнце. Протока неглубокая, но десяток метров пришлось преодолеть вплавь. Осмотрелся. Заметил еле заметное течение. Кусочки коры, листья и мха уносятся из его озерца медленным течением. Где-то в озеро впадает река, приносящая муть. От неё и ил на берегах.

Островок в форме половины эллипса своей малой осью обращён к берегу. Он невелик, меньше двухсот метров до дальнего края и по сотне метров

в стороны. На северной стороне с островка видна изрезанная линия противоположного берега.

— Да, моё озерцо — только часть большого озера. Да и озеро ли это? Возможно, что где-то дальше река перегорожена плотиной и возникло водохранилище. Иначе за миллионы лет береговая линия должна была сгладиться.

Хотел вернуться к друзьям, не последовавшим на остров, но наткнулся на обгоревший конец палки, не унесённой, а постепенно заиленной во время наводнения.

— О! Да здесь бывают люди! — обрадовался исследователь местности.

Вдруг в мутной воде он заметил что-то, показавшееся ему знакомым. Раскопал и очень удивился. Это оказалась голенная кость взрослого орангутанга.

— Откуда она здесь? А нет ли ещё чего?

Дальнейшие раскопки выявили почти полный набор заиленных костей не только орангутангов, но и людей. Но ни одного человеческого черепа, ни волоска обезьян среди находок не оказалось. Понять, почему «коллекции» неполные, не было даже малейшего желания.

Надо скорее убираться от этого места былых пиршеств, чтобы случайно не пополнить коллекцию собственными косточками. Аккуратно зажёб илом все находки. Отступая, заровнял ладонями собственные следы, чтобы не навести людоедов на мысль о его существовании рядом с ними.

— Дождь, а он будет скоро, полностью уничтожит улики моего пребывания на островке, — успокоился Юра, очутившись рядом с друзьями.

От неприятного осадка в душе он с трудом избавился лишь к вечеру.

За три дня странствий исследователь выяснил, что живёт около оконечности полуострова. Длинна участка суши, вдающегося в глубь водоёма, километров восемь. В самом широком месте между берегами немногим более трёх километров. В двух местах заливы с обеих сторон врезаются в сушу так глубоко, что остаются перешейки менее трёхсот метров.

За дальним перешейком, в полукилометре от второго сужения, начинается деревенька даяков. Ночами Юра выяснил, что ближе всех к перешейку стоит длинный общинный дом семей на двадцать. Дальше идёт единственная улица и ответвление от неё. Там — семейные строения разного достатка. Их набирается с полсотни. От деревеньки к заливу озера ведут тропинки, а там вёсельные и моторные лодки.

— Можно было обследовать озеро на лодке, но с вёслами плыть медленно. Обнаружив пропажу, даяки могут быстро настичь похитителя. От рёва моторной лодки люди проснутся и так же устроят погоню. В обоих случаях все косточки обгрызут без обжарки. Нет, лучше не обнаруживать себя

и сосредоточиться на изобретении способа поднытия из воды кейса.

Тропические ливни — не помеха для путешественников, но как приятно снова оказаться под навесом и всем телом наслаждаться сухостью. Обезьяны привычны к ливням, но при каждом удобном случае стремятся оказаться в укрытии. А прикрытиями для них служат крупные листья, нависающие над какой-либо частью тела. Дождевые струи стекают и попадают на незащищённые поверхности тел. Ильич заметил, что больше всего им неприятно, если вода льётся на лицо. Он подзывает Ма и Ня на ветки под своей постелью. Умные обезьяны быстро оценили преимущества сухости и покидают укрытие только на время питания. На появление на территории разумного друга для них давно наложен запрет. Орангутанги соблюдают его.

Начались интенсивные тренировки в нырянии. Если при катастрофе лайнера глубина до амбразуры была метра три, то сейчас она наполовину больше. Первая попытка показала, что если не заплывать внутрь салона, то ныряльщик может проплыть не более своего удвоенного роста. На большее, чтобы успеть вынырнуть, воздуха не хватает. Из папоротника и трав сделал подобие ласт. С ними вдоль самолёта удалось проплыть на расстояние до кресла Павловича и развернуться. Но ещё нужно время, чтобы заплыть в салон, отыскать во мраке коллегу, отстегнуть кейс, вернуться и всплыть на поверхность. Эффект от усовершенствования конструкции ласт при достигнутой скорости плавания очень незначительный.

Рыбы курсируют через рваное отверстие салона, не обращая внимания на ныряльщика. Это показало Ильичу подозрительным, но не настолько, чтобы заняться разгадкой явления. Ясно другое: без баллонов с воздухом кейс не достать. Удаюков Юра не обнаружил ничего, что могло бы послужить в качестве баллона. К тому же не хочется лишний раз рисковать при посещении селения.

Исследователь полуострова видел ещё одну деревеньку на противоположном берегу озёрного залива. Она недалеко от посещённой им. Других селений с полуострова не видно.

— На людоедские «пикники» плавают жители этих селений. Или одного из них. Нет, посещение деревни даяков мне не подходит. Если для аборигенов не проблема убить сородича, то съесть заблудшего иностранца, которого даже никто не ищет, стало бы для них верхом безнаказанности.

Пикник

Уровень воды в озере понизился на метр, а Юра не решается осуществить главный план своего пребывания в джунглях. Теперь он ныряет с бамбуком и тренируется под водой вдохнуть из него дважды. Воздуха в пустоте бамбукового баллона

для этого достаточно. Погрузиться на глубину и вдохнуть из него, не выпустив остатка, пока не получится. Но это вполне осуществимая идея, надо только потренироваться. Или придумать какой-то клапан, удерживающий воздух от самопроизвольного выхода, но позволяющий вдыхать. Жаль, что здесь не растёт каучуковое дерево. Можно было бы сделать эластичную трубку и пережимать её зубами. Он выныривает в очередной раз.

Где-то в стороне деревенок, за поворотами залива, слышен гул лодочного мотора. Молнией промелькнула мысль о приближении людоедов. Ильич быстро подплывает к берегу и скрывается в прибрежных джунглях. По просторам озера несётся лодка. В ней четверо мужчин. Они о чём-то говорят, перекикивая гул мотора. Часть слов доносится на индонезийском, часть на языке племени. Ничто не указывает на их склонность к каннибализму. На мужчинах белые лёгкие пиджаки или свободные рубахи местного фасона. Светлые брюки или шаровары обтягивают колени, видимые из-за борта судёнышка. Головных уборов нет, волосы аккуратно подстрижены. Все безбородые. Один пассажир усатый.

— Зря опасался. Вполне цивилизованная публика. Возможно, что за поворотами озера есть ещё деревенька, и люди плывут в неё. Там у них могут быть дела. Могут плыть, чтобы навестить родственников или просто расслабиться без своих женщин. Обычно жёны ограничивают мужей в принятии спиртного, а это не всякому по нраву, — рассуждает лесной житель.

Лодка зашла за островок с кострищем, и гул мотора прекратился. Мужчины приплыли на пикник. Любопытство, можно ли не опасаться этих цивилизованных на вид людей, подталкивает Юрия увидеть подробности праздника ближе. Но свидетельства былых пиршеств на островке, обнаруженные во время прошлого посещения, обостряют инстинкт самосохранения.

Ма и Ня неотступно следуют за другом, перелезающим по ветвям к месту отдыха приплывших аборигенов. По воде было бы около полукилометра, по берегу вдвое больше. Увидев сквозь ветви людей, обезьяны забеспокоились. Ничего необычного человек из чащи не замечает, но понимает, что опыт общения орангутангов с людьми оправдывает поведение приматов.

Ильичу виден костёр. Из него достают какие-то овощи, формой похожие на дыню. С горячих «блю» счищают кожуру, а мякотью закусывают пьянящий напиток. Или пирующие отдыхающие наоборот, запивают тропический овощ.

О, как давно жертва авиакатастрофы не ел варёное, жареное и печёное! Получить огонь трением ему не удалось. Очков, чтобы сделать водяную линзу, Юрий не имеет. В меру солёная горячая пища может быть только в мечтах и в воспоминаниях.

Только здесь, при виде трепещущих при дуновении ветерка языков пламени костра, он осознаёт, что не пытался получить огонь вполне доступным для него способом — от искры, выбитой из камней. Камни послужили при изготовлении оружия, но могут оказаться полезными и для получения огня. Как и участники пикника, он давно мог бы обжаривать над огнём плоды, готовить жаркое из рыбы или из мяса.

— Мясо тропических змей, диких кроликов и птиц, которое случилось есть сырым, будет ещё вкуснее, если его обласкает пламя костра, — еле слышно произносит Юра, переполненный мечтой об огне.

Люди отдыхают, и ему хочется подойти к ним, пообщаться. Попытку сделать это останавливают друзья-приматы. Ма начинает издавать предостерегающие звуки так громко, что её могут услышать на островке. Приходится оставить идею о контакте с незнакомцами, чтобы не подвергать друзей опасности. Да и только ли их? Около кострища немало человеческих костей.

Аборигены раздеваются, оставляют костёр и переходят обмелевшую проточку. Один из них набивает патронами обойму пистолета. У двух его попутчиков из лодки появились ружья, похожие на карабины. Один охотник — с трубкой, стреляющей отравленными стрелами. О таком оружии некоторых народов Ильичу известно из школьного курса. Охотники, теперь в этом нет сомнения, уже близко. Слышна речь то на одном, то на другом языке. Слово «орангутанг» слышно отчётливо. Известно человеку в засаде и то, что аборигены убивают мать, чтобы забрать обезьяньего детёныша на продажу.

Ма и Ня, а вслед за ними человек, поднялись выше и затаились. Люди прошли, не подозревая слежки. Верхолазы успели проголодаться и, вкушая дары джунглей, удалились от места наблюдения. Вновь послышались голоса приближающихся охотников. Охота обошлась без выстрелов.

— Если вблизи есть орангутанги, кроме моих друзей, то им крупно повезло, — отмечает пленник джунглей, продолжая обедать.

Двое вышли на берег в стороне от брода, другие сориентировались очень точно. Юра предположил, что неудачной охотой пикник заканчивается, но ошибся. Мужчины подбросили дров в догорающий костёр, выпили и пустились в пляс. Танец больше напоминает ритуальную дикарскую дань обычаю.

Что случилось дальше, предположить было невозможно. Самый молодой из мужчин резанул по горлу своего соседа. Остальные, будто ничего не произошло, продолжают танцевать. Убийца отрезает голову поверженного и, высоко подняв над собой, присоединяется к танцующим. Кровь обгаряет обладателя трофея. На островке все

словно обезумели во время варварского танца. Начинается ещё больший ужас.

Ильичу не хочется видеть продолжение кровавого пиршества, но он, как загнилотизированный, не может сдвинуться с места. Словно осознавая варварство людей, орангутанги сидят неподвижно и беззвучно. Прошло немало времени, а участники необычного пикника продолжают ненадолго прерывавшийся танец. В поднятых руках того же юноши уже не голова, а череп. Даже издали видно, что он пуст. Мягкие ткани срезаны и съедены. Внутренности высосаны. Бр-р-р!

У Юрия кружится голова, его тошнит. Осторожно, чтобы не сорваться и не привлечь внимание людоедов, отрезающих от жертвы филейную часть, человек разумный и его друзья бесшумно покидают пункт наблюдения. Инстинкт обезьян в очередной раз помог их другу остаться невредимым. — Не укладывается в сознании, что с виду цивилизованное общество соблюдает обычаи полудиких предков. Значит, кроме мусульманства, буддизма, католицизма и протестантизма, часть индонезийцев поклоняется языческим богам аборигенов, чтит их дикарские традиции и обряды?

Студенты в МГИМО изучают не только языки народов стран, в которых им предстоит работать, но и традиции. Ильич догадывается, что после пира ночью в деревне будет совершён обряд посвящения в мужчины. Этот молодой убийца перестанет считаться мальчиком, станет полноправным членом общины, сможет жениться.

Неважно, знал ли жертва каннибализма, что обречён именно он, — всё одинаково бесчеловечно. Как и предполагал Юрий, возвращались с пикника в сумерках. Проплыли, не подозревая о присутствии чужого человека. Смотреть на обряд посвящения в мужчины желания не появилось. Даже тренировки на длительность погружения прерваны подавленностью настроения.

Черета раздумий

Ильич вспомнил, что маме школьные учителя посоветовали устроить его в Школу космонавтики в Железнодорожке, где одарённые дети собраны со всего большого края. Три года углублённого изучения предметов гуманитарного цикла завершились отличной сдачей экзаменов. Пройдена ступенька для поступления и дальнейшего успешного обучения в столичном престижном университете. Схожие между собой языки народов Юго-Восточной Азии — филиппинский, малайзийский, индонезийский — Юра знает почти как родной русский. Может синхронно переводить на русский или с русского на любой из них.

Военное ведомство, сотрудники которого форму надевают только на торжественные мероприятия, интересуется подготовкой студентов некоторых профилей, поддерживает контакты

с университетом. Паренёк из сибирской глубинки привлёк внимание. Ведомство устраивают и знания, и личностные качества, и родословная парня, и его физические данные. Студент изучает языки и посещает секции восточных единоборств. Военная кафедра присваивает отправное воинское звание.

У сибиряка хорошая карьерная перспектива. Он мог бы работать в одном из дипломатических ведомств или трудиться переводчиком. Было предложение поступать в аспирантуру. По её окончании мог преподавать в вузе соответствующего профиля. Он выбрал военное ведомство, а ведомство выбрало его. И вот бывший студент оказался на злополучном самолёте с секретными документами сделок военных ведомств партнёров.

Вспомнилась Юленька. Коллеги знали о предстоящей свадьбе с ней. Некоторые лично знакомы с невестой своего друга. Весть об аварии самолёта докатилась и до неё, Юли.

«Как восприняла она известие? Поверила ли, что погибли все, кто находился тогда на борту? Или назло всему и всем ждёт меня? А возможно ли вообще такое неверие, если убеждают поверившие коллеги? Юля сильная. Нет, она не отчаялась, узнав о катастрофе самолёта. Душевная травма, наверное, ещё беспокоит, но уже не так остро, как сразу после крушения. Как хочется, чтобы всё сложилось благополучно для нас обоих!» — мечтает романтик.

Подходит к концу третий месяц Юриного заточения здесь. В деревеньках должна быть какая-нибудь связь с внешним миром. Они с Павловичем по документам — туристы. Но они были не совсем обычными туристами, а в деревеньках и вовсе необычные селяне. Сообщить, что жив, будет можно, выйдя из плена джунглей и обстоятельств.

«Да, только обстоятельство держат меня здесь. Нога давно не болит. Неизвестно, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, если предположить доверительный выход отсюда без знания подробностей об аборигенах, вскрывшихся при посещениях островка».

Из-под настила давно доносится ровное дыхание друзей, а жертве авиакатастрофы не спится — слишком сильное потрясение от событий, увиденных этим днём. Такое не забудется за всю оставшуюся жизнь. Как быстро летят дни, не дающие удовлетворения от ощущения причастности к завершению чего-то значимого.

Сознание переключается на другую проблему.

«Непонятно, почему друзья орангутанги прониклись ко мне уважением? Не потому ли, что впервые увидели меня беззащитным? Но они могли не ощущать, что я сплю. Или потому, что, в отличие от этих представителей местной «цивилизации», я в их присутствии всегда без одежды? Ясно лишь то, что последняя капля недоверия испарилась, когда увидели меня передвигающимся

по веткам, а не по земле, как их недруги. Наверное, не последнюю роль для доверия сыграли кучки угощений, что раскладывал для них. Жаль, что они сами никогда не ответят на интересующий меня вопрос».

Вдруг Ильич начинает рассуждать о происхождении водоёма, в который ежедневно ныряет. Уровень воды в водохранилище понижается. Юрий почти не сомневается, что водоём рукотворный. Генератор ГЭС или привод какого-нибудь механизма вращает вода. Её сток через рабочее колесо оставляют неизменным, поэтому дожди наводняют искусственный водоём, а в засуху он бы обмелел. Но здесь — тропические дожди и реки, засухи не бывает.

Мысли путаются. Они снова переносят юношу в беззаботное детство. На душе становится так спокойно, как не было с той самой поры его жизни. Юра засыпает.

Утром искрами, высекаемыми из камней, он долго пытается поджечь мох. Или мох недостаточно сух, или искры попадают не туда, где возможно воспламенение, но затея получить огонь оказывается безрезультатной. Ильич подтыкает под навесом убежища остатки мха, обёрнутые листом. Идёт на очередную тренировку по нырянию.

В перерыве возобновляются тренировки — стреляет из лука на меткость попадания. Потом тренируется в добывании огня. С учётом предыдущей неудачи, относится к занятию не как к получению, а именно как к добыванию. И вдруг на побеге мха появляется искорка. Юноша аккуратно, чтобы не потушить, раздувает крадущуюся по мху малиновую точку величиной с голову комара. Она сначала удваивается, и обе искорки крадутся по соседним побегам. Потом сбегаются и порождают маленький огонёк. Парень, затаив дыхание, смотрит, как его творение растёт, набирает силу.

Огоньку нужна более существенная «пища». И она появляется. Сначала в ход идут сухие стебельки трав, потом тончайшие веточки и ветки чуть толще прежних. И вот огонёк перерастает в пламя. Вкус плодов, которые пленник джунглей ел только в сыром виде, превосходит ожидания. Они становятся и вкуснее, и ароматнее. Манящий запах ощущается в нескольких шагах от костра. Астудив, угощает лакомством друзей.

Неизвестно, как отнеслись бы они к огню, оказавшись с ним один на один, но в присутствии человека обезьяны доверяют пламени, пляшущему перед двуногим, как и они, но почти безволосым существом. Здесь орангутанги от костра сидят на пару шагов дальше их друга. Юношу переполняет радость. Теперь, хоть и не без трудностей, он сможет разводить костёр, обжаривать мясо и рыбу, пока остаётся на берегу этого затерявшегося в джунглях водоёма.

Ему хочется поднять пламя до небес! И он приступает к осуществлению желаемого, но спохватывается. Дым большого костра могут увидеть людоеды, а это не входит в его планы. Оказаться поджаренным в собственном костре было бы при таком соседстве не просто реально, а неизбежно.

Погружение в салон

Длительные тренировки приводят к желаемому — при каждом нырке удаётся сделать по два вдоха. Нырок за нырком, день за днём время не проходит без пользы для достижения главной цели пребывания в дебрях Калимантана. Рыбы почему-то перестали сновать через разлом в обшивке салона.

Воздух набран, и Юрий погружается к разлому. Он уже внутри салона. Здесь густой мрак — слишком малы отверстия иллюминаторов и рана в салоне по сравнению с непроницаемой для света обшивкой самолёта. Относительно светло около иллюминаторов и вблизи разлома. Светлая внутренняя обшивка рассеивает попадающие на неё солнечные лучи — это и создаёт сумрак.

Глаза привыкают. И тут ныряльщика охватывает ужас. Под ним уже не один, как на пикнике, а множество пустых черепов. От неожиданности он выпускает из лёгких почти весь запасённый воздух. Вдохнуть из бамбука не получается. Резко поворачивается к разлому, чтобы поскорее всплыть. В висках стучит. Наконец около отверстия в фюзеляже вдыхает запасённый воздух. Теперь он сможет вынырнуть.

Оказавшись на поверхности, возвращается на берег. Надо прийти в себя. Обуздать расходившиеся от шока нервы, морально настроиться на ещё более жуткие картины. А пока Ильича словно парализовало. Он не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Крупная дрожь, как от ужасного холода, доводит тело до онемения.

— Нет, надо взять себя в руки, зажать нервы в кулак и приходиться в себя.

Ма и Ня идут к другу с бананами.

— Счастливчики, вы не видели того ужаса, который сотворили подводные твари. А я удивлялся, почему, при таком обилии рыбы около амбразуры, её так мало попадало в морду. Теперь ясно, что человеческое мясо для них предпочтительнее фруктов. Те людоеды с островка почти ангелы в сравнении с этими. Из отвращения я больше не смогу есть рыбу.

Общение с обезьянами вывело из состояния оцепенения.

— Наконец-то я готов к поиску кейса.

В этот раз среди черепов и тазовых костей, среди одежд с костями конечностей и позвончиков он находит кейс. Отстёгивать его от руки Павловича не пришлось. Вдохи под водой совершил как на последних тренировках — без проблем. Ставшие привычными ласты ускорили продвижение. Выныривает.

На берегу набирает код и открывает надёжное хранилище документов. Они сухие. Целы и невредимы деньги на командировочные расходы. Здесь и рубли, и американские доллары, и индонезийские рупии. Есть для него и Павловича вторые комплекты документов. Ими снабдили мнимых туристов на непредвиденный случай. Павловичу документы больше не понадобятся. А для Юрия они очень кстати. В документах второго комплекта сменилось всё, кроме гражданства. Виза при выезде не должна быть просрочена. Потом надо будет проставить соответствующие даты. Документы Павловича и свой прежний комплект необходимо будет уничтожить.

— С рассветом я уйду от вас, мои верные друзья. Оставайтесь, живите своей дикой тропической жизнью и не доверяйте людям, как вы поступали до сих пор.

Кейс поднят в убежище. Деревья дарят лакомства неразлучной троице. Юрий отыскивает наконечник и сооружает новое копьё. Оно достаёт до плеча, в чехле не будет задерживать при передвижении по ветвям. Обезьяны беззаботны. Слова друга не тронули их сознание. Все трое долго не задерживаются на одном дереве, срывая лишь самые спелые и сочные плоды.

Калимантанские встречи

Во время еды планы меняются.

— Мимо деревни надо пройти по темноте. Но даже лунной ночью идти по джунглям во сто крат сложнее, чем днём. Шагать по земле в зарослях трудно и днём. Лунный свет почти не проникает сквозь кроны — тропический лес становится непроходимым. Ветви деревьев освещены слабо, можно промахнуться в прыжке и сорваться. Но под прикрытием ночи больше шансов пройти незамеченным людоедами.

Вечером, вооружившись копьём, луком и ножом, отправляется в путь. Для кейса давно сплетён из травы рюкзак с фиксацией на поясе. Конструкция обеспечивает плотное прилегание ноши к телу при прыжках по веткам. Одежда с обувью свёрнута в валик и закреплена на поясе. Обе руки свободны, ничто не препятствует движению вперёд. Насколько дальней будет дорога, он не представляет.

Ильич успел отойти от стоянки меньше километра, когда идущие налегке друзья-орангутанги нагнали его. Юра пытается убедить их остаться, но всё красноречие напрасно — слова отлетают от ушей, как от стенки горох. Не в силах повлиять на ситуацию, доходит до первого перешейка полуострова и останавливается в ожидании ночи.

Немногочисленные собаки местных охотников учуяли троицу, когда половина деревни была обойдена. Около деревеньки, даже у самой воды, лес вырублен. Между оставшимися деревьями надо

перебегать по земле, раззадоривая этим собак. Малышка на спине матери. Ма опасается наступать их своры, но выбегает вперёд друга.

Самая шустрая охотничья собака готова укусить человека. Обезьяна на мгновение оборачивается и ладонью своей длинной руки угощает недруга такой оплеухой, что резвое животное пролетает по воздуху и с визгом падает на спину. Другая помощница местного охотника пытается укусить самку орангутанга, но оказывается схваченной за загривок и отброшенной с такой силой, что, ударившись о дерево, осталась лежать. Она не смогла препятствовать взмывающим на ствол бегунам.

Даяки сквозь сон по лаю догадались, что собаки пошли за орангутангом. О человеке разумном, следующим с обезьянами, они не предполагали. Преследование собачьей своры прекратилось, когда путники пошли по веткам, не спускаясь на землю. Но скоро пришлось идти по участку земли, отвоёванному у джунглей жителями деревни. Здесь, на затопляемых в половодье землях, растёт рис.

На высоких гибких шестах висят чучела лесных людей, набитые травой или рисовой соломой. Слабый ветерок слегка покачивает их, они кажутся живыми. Местные земледельцы вывешивают пугала для устрашения птиц и самих орангутангов, которые не прочь полакомиться рисовыми зёрнами молочной спелости. За клочками полей снова лес. Только теперь стало возможным сделать привал до наступления рассвета.

С рассветом Юрий пошёл, не окликая обезьян. Они быстро почувствовали его отсутствие и не замедлили оказаться рядом. Все завтракают на ходу, но продвижение замедлилось. Неожиданно упёрлись в перегородившую путь реку. Извиваясь в долине, она делает здесь большой зигзаг.

Мутный поток вздыбливает валы на перекасте. От воды до зарослей — полоска сухого ила. Босые ступни оставляют след, который тут же наполовину засыпается лёгким, похожим на пыль порошком.

Душно, как бывает перед дождём. Юноше хочется искупаться. Но как поведут себя друзья с его вещами, парень не знает. Во время купания обезьяны могут зайти в лес и оставить там кейс, даже не пытаясь вскрывать. Эти друзья не представляют, как ценно для Юрия его содержимое. Копьё и лук со стрелами их не интересуют. Самые большие опасения связаны с одеждой. По своему неразумению могут разорвать на клочки и ленточки, а спрос с них никакой.

Справа гладь ничем и никем невзволнованного плёса. Слева продолжение переката. А ещё ниже по течению — залив водохранилища, куда вольётся вся муть реки. Оттуда они пришли, и там делать нечего. Дружная компания выходит к плёсу. Человек кладёт на берег ношу, но снять опоясывающий его пояс с одеждой не решается.

Обезьяны перескакивают по ветвям прибрежных деревьев, зная, что друг не уйдёт. Юра забрёл почти по пояс, стоя лицом к берегу, освежает голову и торс. Невдалеке от резающихся в ветвях орангутангов на берег выбегает стайка незнакомых парню обезьян. Они невелики и кажутся тощими. Их туловища тоньше, чем у малышки Ня. Эти приматы передвигаются на четырёх конечностях одинаковой длины. Передние, кроме участия в передвижении, имеют функции рук.

Поражает очень необычный окрас приматов. Коричневые волосы на спине постепенно светлеют к низу туловища. Грудь жёлтая, а живот светлосерый. Конечности, светло-серые сверху, к стопам и кистям переходят в белые. Хвост, соизмеримый с длиной туловища, весь белый. Лицо безволосое, имеет красноватый оттенок. Но больше всего юношу поразили носы обезьян. Неширокие у переносиц, они похожи на огурец, долго пролежавший в тепле и оттого приплюснутый.

Самые тёмные волосы — над глазами. Они выглядят похожими на густые сросшиеся над переносицей брови. На шее, даже со стороны спины, волосы белые, будто повязан праздничный шарфик. Поразило, что в стае только самцы.

«Калимантанец» рассматривает диковинных обитателей прибрежных джунглей, а те приняли его стояние в воде за нерешительность и наступают. Почувствовав угрозу, Ильич выбегает на берег и пытается криками отпугнуть непрошенных гостей. На крики возвратились Ма и Ня. Носачей больше десятка, а потому не отступают. Наоборот, часть их по воде пробегает в тыл. Путешественники окружены. Отступление в джунгли не поможет — там носачи оказались бы в более привычной для себя среде. На берегу преимущество у человека — его руки не заняты передвижением по ветвям.

Носы расщипавших тонких обезьян становятся красными. Орангутанги отпугивают часть стаи, прыгающей перед ними, но не набрасываются. Юрий берёт лук, и стрела впивается в плечо одного из самцов. Тот с невероятной скоростью вертится, словно хочет, чтобы стрела отстала, перестала жалить. Это приводит в замешательство сородичей рядом. Но позади, где натиск сдерживают друзья, строй не распадается, воинственные приматы медленно наступают.

Человек оборачивается и выпускает стрелу в строй наступающих. Крутнувшись пару оборотов, обезьяна вырывает причиняющий боль предмет, но пятится. Другие делают то же. Пытаясь вырвать свою стрелу, другой самец обламывает её. Ильич снова вскидывает лук для выстрела, носачи панически разбегаются. Бегству одних последовали и остальные собратья. По доносящимся звукам ясно, что они не заняли выжидательную позицию. Получив достойный отпор, уходят по прибрежным зарослям вдоль переката.

Путешественники пошли вверх по течению вдоль берега, пока река не свернёт с их пути. Несколькими ручьёв, стекающих в долину, остались пологи. Виляя, река выдерживает направление. Путники продолжают движение на юг. Без орангутангов Юрий мог бы передвигаться быстрее, но идти быстро нельзя. Стремясь не отстать, обезьяны не успеют насыщаться на ходу. Неизвестно, как долго они будут сопровождать своего друга, — могут серьёзно отощать.

Неожиданно за поворотом появляется стоянка старателей. Пятеро мужчин, несмотря на поздний час, продолжают работу. Они лопатами достают со дна песок с илом и этой смесью наполняют короба. Потом тщательно промывают содержимое. Юра не заметил, чтобы кто-то из них доставал что-нибудь из своего необычного сита.

— Наверное, не часто среди речного песка попадают золотые песчинки. А как старательно и тщательно они промывают и просеивают загруженное сырьё. Возможно, за эту специфику труда золотодобытчиков называют у нас старателями? — делает вывод наблюдатель.

На стоянке женщина хлопочет над готовкой ужина. Увидев полыхающие пламя очага, юноша вспоминает, как взбудоражил его сознание и воображение костёр на острове. Тогда огонь казался ему несбыточной мечтой. Сейчас всё обыденно и не порождает прежних эмоций. Рядом собака. Чтобы не всполошить дворнягу и не обнаружить себя обнажённым, Юра и его друзья уходят дальше от реки.

— Эти люди могут быть из ближайшей деревни даяков-людоедов. Но это могут быть и искатели приключений и заработка из числа городских жителей, — поясняет Ильич друзьям, не возражающим ему ни словом, ни звуком.

За стоянкой река делает крутой поворот и больше не встречается путешественникам. Курсу на восток ничто, кроме зарослей, не препятствует. В переплетениях кустарников и лиан нижнего яруса джунглей, чтобы протиснуться, пришлось бы саблём вырубать проходы. В среднем ярусе, где ветви деревьев вонзаются в кроны соседней, а лианы переплетаются с этой гущей, продвижение затрудняется. Только над кронами второго яруса есть простор между деревьями великанами. Они более редки, чем растительность под ними, но и они окутаны лианами. По стеблям лиан, как на качелях, друзья перелетают, продвигаясь выбранным курсом.

Обезьяны-спутники держатся недалеко. Они оказываются то впереди, то где-то сбоку, а могут задержаться около понравившихся плодов и отстать. Сейчас они впереди. Неожиданно в сотне метров от человека раздаются их тревожные звуки. Юра настораживается. Тут же пространство пронизывает гортанный бас. Кому он принадлежит,

юноша не знает, поэтому устойчиво встаёт на прочные сучья, высвобождая руки.

Слышен шум ветвей от движения спутников и повторный гортанный рёв неизвестного, который тяжелее, чем Ма с детёнышем на спине. В том, что Ня крепко держится за плечи матери, нет сомнения: она всегда поступает так в случае опасности. Ветви под преследователем часто обламываются, и он не может догнать беглецов.

Ма появляется из зарослей и останавливается за Юрием, в котором видит спасителя. А защитник держит копьё, готовый пустить его в нападающего. Среди чащи появляется огромная волосатая громада бурого цвета. Щёки раздуты. Тёмные близко сидящие глаза горят азартным погоним. Бородака топорщится. Между кистями волосатых рук, цепко обхвативших ветви соседних деревьев, больше двух метров. Победить его в рукопашной схватке невыносимо. Увидев, что беглянка под защитой неизвестного существа, орангутанг резко останавливается.

Вмешательство кого-либо в отношении с самкой для него — полная неожиданность. Он снова издаёт гортанный звук. Но это не прежний рёв, который должен был приманить партнёршу, — это угрожающий рык. На горле раздувается кожный мешок-резонатор, и рёв устрашения несётся по джунглям. Самец не бросается в драку. Он голосом показывает своё превосходство. Ильич не ревет по-звериному. Оценив ситуацию, держит копьё наготове.

Ясно, чего хотел бы орангутанг, но нет сомнения в том, что особа его симпатий не предрасположена к спариванию. Потому и примчалась под защиту друга. Одна она не смогла бы противостоять гиганту, вдвое большему, чем сама. В нём пудов восемь веса. И это не только внушительных размеров живот, но и набор атлетически пригнанных мышц.

Угрожающий рёв повторяется раз за разом. Ма за спиной защитника отскакивает назад и снова возвращается. Так она зовёт спасателя уходить от опасности. Самец, не слыша ответного грозного рыка, смелеет и медленно приближается. Снова пространство пронизывает его устрашающий, усиленный резонатором рёв. Где-то в джунглях раздаётся ответная угроза. Отозвавшийся не слышал никого, кто бы возразил извергающему угрозы сородичу. Всё принято им в свой адрес. Он уверен в себе и даст трёпку расхрабренному недорослю.

Юра слышит более густой бас принявшего вызов соседа. Там ещё большая сила, и она способна остановить надвигающегося противника. Ма призывает отступать, но Ильич делает движение в сторону невидимого хабреца. Наступающий снова издаёт знак угрозы и приближается. Но невидимый сосед не медлит с ответом. Услышав приблизившийся рык давно знакомого сильного

противника, молодой буйан прекращает преследование.

Юрий делает несколько прыжков от оставшейся озлобленной обезьяны в сторону более грозного противника. Необходимо поскорее убираться прочь из промежутка между врагами. Хруст веток и грозный рык слышны там, где мгновениями ранее были путешественники. Самцы уже выясняют отношения между собой, и им нет дела до посторонних. А посторонние, перелетая по ветвям и лианам, удаляются от места «мужских» разборок. Они всё дальше от продолжающихся угроз волосатых жителей тропиков.

Местность становится более гористой. Балки, как и плоскогорье, окружившее водохранилище, остаются заросшими вечнозелеными видами тропической флоры. На гребнях появляются кустарники, чередующиеся с покрытыми буйными травами полянами. Здесь между тропическими породами встречаются хвойные деревья. Делая остановки для перекуса, компания продолжает следовать на восток. Для продвижения путники часто спускаются на землю.

Послышался волчий вой. Ему ответили заунывные «песнопения» клыкастых сородичей. Юрий замечает за полосой кустов несколько деревьев и мчитсЯ туда. Принимать бой с волчьей стаей опасно даже с многозарядным карабином, а с копьём, луком и стрелами — безрассудно. С копьём можно защититься от одного свирепого хищника, но не от стаи. Ня уже на спине матери.

Ма не перебирает ногами, как при ходьбе. Она отталкивается ногами и руками, приземляется и снова отталкивается — мчитсЯ прыжками, как это было при преследовании собаками. Волки более свирепы, чем собаки. Без подсказок обезьяна взлетает на дерево. Ильич успевает подняться выше своего роста, когда из кустов появляется первый волк. Хищник с разбега бросается на жертву погони, но не достаёт. Через миг под деревом оказываются остальные «загонщики».

Все необычны своим огненно-красным цветом и достающими до земли мохнатыми, почти лисьими, хвостами. Они меньше сородичей, живущих в степях и лесах России, но не менее свирепые. Юрий прицеливается в наиболее удалённого от дерева красного хищника. Ближе стрелять мешают толстые ветви. А стрелять надо наверняка.

Волк кружится, как котёнок, пытающийся ухватить игрушку, привязанную к хвосту. Он оказывается в кустах на ещё большем удалении от дерева. Почуввав запах крови, вся стая набрасывается на подранка, вмиг разрывает его. Каждый старается ухватить свою долю. Трава смята, часть кустов сломана в ходе схватки. В просветах оказываются огненные спины.

С высоты своего положения Ильич видит их и прицельно стреляет. Снова в стае суматоха.

Хищники забывают о преследовании. Они расправляются со второй поражённой «мишенью» стрелка. Человек, воспользовавшись звериной свалкой, бежит в направлении следующего дерева. Ма следует примеру. Все успевают добежать раньше, чем стая, бросившая останки растерзанных собратьев, оказывается на полпути к дереву.

Стрелок попадает в ближайшего зверя на большем удалении, чем были предыдущие волчьи карусели. На полном ходу подранок переворачивается через голову и тут же оказывается на клыках сородичей, бегущих следом за ним. Намечено следующее дерево для перебежки, и ранен очередной преследователь. Картина повторяется. Ещё дважды Ильичу удаётся уменьшать численность безжалостной стаи. Остаётся пять огненных хищников. Эти уже сыты и лежат вокруг остатков пиришества, отпугивают слетающих полакомиться птиц. Незаметно друзья уходят от погони. Парень доволен, что тренировки в стрельбе оказались так полезны.

Горы становятся выше. Стали чаще встречаться полуразрушенные скальные выступы. На юго-западе одна из вершин возвышается над всем горным хребтом. Ближе, между соседними грядками, распадок заполнен водой. Озеро узкое, но в длину растянулось на несколько километров. Все следующие гряды ниже той, на которой стоят путешественники. Они на перевале.

С ужином здесь разнообразие не так богато, как внизу, но ночевать на голодный желудок не пришлось. Обезьяны питаются фруктами. Юре пришлось по нраву орехи. В его джунглях их не было. Набрав горсть, спускается с дерева, чтобы разбить крепкую скорлупу камнями. Скорлупки оказались не по зубам. Под жёсткой плёнкой — маслянистые ядра. Но они кажутся сухими. Разжёвываются в порошок, напоминающий крахмал. Трёх горстей оказывается достаточно, чтобы ощутить насыщение. Понравившиеся орехи Ильич насыпает в колчан для стрел, чтобы завтра в пути снова посмаковать.

Ночлег устроили на одном дереве. Ма и Ня расположились выше. Себе Юрий устроил подобие гамака, сделав провисающий между ветвей переплёт. Обезьяны долго не задержались на дереве. Когда Юрий спустился, чтобы ещё осмотреться, увидел свой лук в руках взрослого примата. Оружие заинтересовало Ма. Она видела вращающихся юлой носачей и волков. Ильич наблюдает за умным животным. Он озабочен предстоящим расставанием. Оставаться вблизи людей им нельзя. — А можно ли её научить стрелять из лука? — заинтересовался Юрий.

Не вынимая лука из рук Ма, приставляет стрелу, оттягивает тетиву и отпускает. Стрела падает рядом. Повторяет это ещё с тремя стрелами. Следующую подаёт орангутангу. Обезьяна пытается приставить стрелу к тетиве — это она усвоила.

Человек помогает и показывает, что тетиву надо оттянуть. Она оттянута, но стрела падает.

Обезьянам быстро наскучивает однообразный труд, если они предоставлены самим себе. Здесь иной случай — Ма учится у человека. Колчан расстрелян, но выпускать стрелу животное научилось. Подходят к пригорку, Ильич вешает на куст рядом с землёй лист величиной в половину собственного туловища. Потом отходит, прицеливается и стреляет. Лист пробит. Конец стрелы торчит из листа. Лететь дальше помешал пригорок.

Обезьяна учится стрелять прицельно. Выстрелы всё точнее. Другой такой же лист Юрий крепит к палке, колышет им. Ма должна попасть в медленно движущуюся цель, но она не понимает сменяющуюся ситуацию. Юрий рычит, словно лист — это приближающийся зверь.

Показать ей, как стрелять в наступающего неприятеля, он не может — занят, управляет листом. Ня снуёт рядом. Ей нравится размахивать листом, как флагом. Человек помогает понять, что и как делать в этой ситуации. Взрослая обезьяна стреляет и даже попадает в край листа. Лист уже в руках человека, надвигается и рычит голосом тренера по стрельбе. Вторая стрела выпущена! Она пробивает второй край листа!

— Это успех! Я вооружу её, отправляя в обратный путь. Животное, привыкшее доверять человеку, может стать лёгкой добычей и для браконьеров, торгующих орангутангами, и для людоедов. Она не должна доверять людям, и этому её ещё предстоит научить.

Юрий взбирается на дерево и располагается в гамаке. Туда же поднимает оружие. Позади ещё один день калимантанских будней.

Просыпается он от нестерпимого жжения в животе. Пытаясь спуститься с дерева, срывается и падает. Обезьяны тут же оказываются рядом с ним. Юноша понимает, что болен. Внутренности горят. Даже рука, поднесённая ко рту, ощущает выдыхаемый воздух горячим. Пытается встать, но не может. Орангутанги суетятся рядом.

Ма переворачивает друга со спины на живот. Больного стошнило. Умному животному достаточно вдохнуть испарения извергнутой массы, и инстинкт подсказывает единственно верное решение. Прижав рукой к бедру, куда-то несёт друга. Юноша ощущает, что он, словно обвисшая тряпка, оказалась ношей обезьяны. Ноги волочатся, путаясь в траве, цепляясь за кустарники, ударяясь о камни. Все трое оказываются в зарослях распадка. По земле волочить друга тяжело. Поднялась на дерево. Перескакивать по веткам с тяжёлой ношей нет сил. Прыгает, ветка не выдерживает, обламывается. Снова тянет больного по земле.

Появляется ручей. Он ласково переговаривается с травами, зовёт к себе пылающий организм. Обезьяна оставляет изнемогающего от жажды

спутника и исчезает. Ильич подполз к ручью и опустил в него раскалённую голову. Вскоре Ма появляется, пережёвывая что-то. Животное переворачивает больного на спину, бесцеремонно разжимает челюсти почти бессознательного друга, вталкивает в рот пережёванную кашу.

Юра ощущает скверный вкус вложенной в рот массы, хочет выплюнуть, но челюсти сжаты сильными пальцами спутницы. Видно, что подобное врачевание для неё привычно. Чтобы не держать отвратительное снадобье во рту, проглатывает. Обезьяна убирает свои пальцы и снова исчезает. Ильич переворачивается и жадно глотает воду, пытаясь очистить рот и внутренности от ужасного послевкусия.

Ма возвращается, и новая порция неприятной мякоти — во рту пациента. Сопrotивляться сил нет. Челюсть стиснута. Свобода приходит, когда и эта порция проглочена. Такая процедура повторяется несколько раз. В ней принимает участие и малышка Ня. Больной сплёвывает остатки и замечает, что это листья, перемолотые обезьяньими челюстями.

Многokратное и обильное питьё и жёваное пюре помогают уменьшить муки. Пожар в животе гаснет, но подступает тошнота. Внутренности извергают непотребные продукты. Юрий отползает выше по ручью, а Ма снова приступает к врачеванию. Лишь питьё частично нейтрализует обезьянье лекарство.

Человек осознаёт, что подвергает себя и друзей опасности. После волков им успела повстречаться калимантанская кошка. Она меньше рыси, не нападает на орангутангов и других крупных обитателей джунглей. Но, почувствовав себя в опасности, может когтями подпортить и шкуру, и физиономии противника. Эта дикая кошка прекрасно чувствует себя в полосе джунглей, соседствующей с горной лесостепью. Нельзя исключать здесь и питона. Ручья может оказаться достаточно, чтобы в дебрях распадка повстречаться с ним. Могут посетить этот закуток на окраине дебрей и волки. Да только ли они?

По распадку, часто отдыхая, компания возвращается к оставленной стоянке. Юноша, обессиленный от болезни, перехода и подъёма на дерево, распластался в гамаке.

К рассвету осталась только слабость. Ма и Ня приносят больному другу фрукты, которых не было около озера и нет на этом дереве. Но обезьяны питались ими вчера и едят сегодня. Повторное отравление исключено. Пюре или фрукты, но что-то действует как слабительное. Организм очищается. Силы постепенно возвращаются. Обезьянам спешить некуда. И здесь, в горах, они как у себя дома. Юрия удивляет заботливость друзей, так часто они приносят разнообразные плоды.

— Ах вы, мои сёстры милосердия! Что бы я без вас делал? Наверное, уже ничего бы не делал после

отравления. Ирония судьбы, не иначе. Когда не знал, что вообще съедобно, вы уберегли от отравления. А здесь польстился на вкусные орешки. Устоять перед такой вкусоностью было невозможно. Кто бы мог подумать о коварстве этих орехов?

Он говорит, а обезьяны будто прислушиваются к нему, погружаются в ручеёк его слов. Им нет разницы, на каком языке их друг мыслит вслух. Они всегда одинаково внимательны.

Сейчас обоняние заставляет их забеспокоиться. Ильич успел отдохнуть, подкрепиться щедрыми приношениями, набраться сил. Не забыл он близ дерева вытряхнуть из колчана взятые вчера впрок орехи. Осмотревшись по сторонам, никакой угрозы не обнаруживает. Повода для особого беспокойства нет: оружие рядом, одежда и кейс при нём. Он снова лежит в гамаке. На удалении от дерева местные сородичи куропаatok, как куры, гребут в траве землю, склёвывая что-то. Орангутанги хоть и перестали выказывать беспокойство, но дерево не покидают.

Послышались взрослое хрюканье и поросычье повизгивание. Птицы, петляя и прячась в траве, убежали на безопасное расстояние. Как индейцы в боевых раскрасах, дикие кабанчики усердно вонзают свои пятячки под кусты, откусывают и чавкают приглянувшимися корешками. Видят ли они только у себя под носом или просто не обращают внимания на обитателей дерева, непонятно. Все заняты насыщением. Здесь нет подсвинков-кабанчиков. Самки, поросята нынешнего помёта, подсвинки-самочки и крупный кабан, хозяин гарема, хрюкают и повизгивают. В стаде около двух десятков голов.

Ма насторожилась больше прежнего. Кто-то есть, и очень близко. Ильич сел и в очередной раз осмотрелся. Беспокойство умного животного не может быть ложным, хоть он сам ничего подозрительного не видит. Насторожился и дикий вепрь, вожак стада. Его отрывистое хрюканье всех оторвало от еды. И большие, и маленькие насторожились, готовые в любой миг пуститься наутёк. Вепрь внюхивается в воздух, смотрит в сторону показавшихся подозрительными кустов. Он подаёт громкий знак, и стадо спасается бегством вместе с вожаком. Один зазевавшийся малыш на мгновение задержался, отстал. Это и предопределило его судьбу.

Дикая тропическая кошка чёрной молнией метнулась вслед за убегающим лакомством, в несколько огромных прыжков настигла отставшего кабанчика.

— Как элегантно и плавны её прыжки! Она лишь на мгновение касается земли. Ноги при отталкивании поддерживают стройное тело, летящее почти на одной высоте. Мощь мышц почти полностью задействована на продвижение тела вперёд. Как гибка пантера, способная при её стремительном

беге мгновенно повернуть в нужном направлении! А как она хитра! Я не замечал её, пока не вылетела за добычей подобно стреле или молнии. Она просто изящна! — восхищается Ильич. — Вот и всё. Этому малютке не суждено стать взрослым кабаном. Закон джунглей. К сказанному ни прибавить, ни отнять. Сильный поедает слабого и становится ещё сильнее. Но потом и сам предстаёт перед более сильным обитателем тропиков и оказывается растерзанным. Надо быть предельно осторожным, чтобы не быть застигнутым врасплох такой хитрой кошечкой. Ваше тонкое обоняние предупредит нас всех, если от зверя подует ветерок. А если не подует?

Юра вопросительно смотрит на собеседника, но они только слушают и, кажется, ждут, что ещё скажет разговорчивый друг. И он говорит: — Ничего, прорвёмся!

Пока он философствовал, на «арене цирка» дикой природы обозначились три волка. Озираясь, они проследовали за пантерой.

— Неужели они выслеживают пантеру? — недоумевает юноша. — Возможно, что они нашли следы кабанов и преследовали их, а дикая кошка перехватила инициативу. Тогда волки идут с надеждой, что и им останется на роскошный пир после кошки, отобравшей их добычу. Одним маленьким поросёнком её завтрак явно не ограничится, иначе она не стала бы продолжать преследование.

Юноша расстроен, что время идёт, а переход застопорился. Слабость даёт о себе знать. Выводок куропаatok безмятежно копошится в траве. Часа через два на открытом месте появляется небольшое стадо бантенгов — диких быков. Ильич насчитал всех их тринадцать. Самцы, самки и их детёныши не похожи на зубров, бизонов или буйволов. Они очень сходны со своими домашними сородичами. Отличие — в специфическом изгибе рогов. Их изгиб одинаково ровен и элегантен у всех особей, кроме детёнышей-первогодков, которые не успели обзавестись орудием защиты от хищников. Отличаются и тем, что дикие представители крупнее домашних. Крепыш-самец, вожак стада, показался Юрию весом с тонну. Два молодых быка были телосложением с самок. А это по три четверти тонны каждый.

Все, кроме матёрого предводителя, рыжие. Вожак темнее. У всех ноги от копыт до колен и зады покрыты белой шерстью. Можно было принять их за крупную породу домашних животных, если бы поблизости было хоть какое жильё. К тому же выменá у самок пустые — потомство успело перейти на подножный корм, а выдаивать кормилиц некому, молоко давно исчезло — до очередного отёла. Стадо на ходу щиплет траву и не обращает внимания ни на шорох куропаatok, ни на дерево с его обитателями в хитросплетениях из лиан. Через полчаса и взрослые, и детёныши скрылись

за роцей деревьев и кустарников. На опушке одной из рощиц подстрелен кролик, а рядом со стоянкой — три куропатки. Мясо, приготовленное в золе, великолепно.

После готовки пищи и обеда юноша поднялся в гамак, а обезьяны облюбовали фруктовое дерево. Вдруг они, выражая беспокойство, стремглав прибежали к другу. Будто для подтверждения обоснованности их тревоги, послышался многоголосый волчий вой. Шестёрка хищников идёт по следу стада диких копытных. Юра уверен, что взрослые сумеют постоять за себя. А удастся ли защитить детёнышей, уверенности нет. Отвлечь одних и отпугнуть других, чтобы отбить телёнка, у такой стаи хватит и хитрости, и коварства, и терпения. Они могут терпеливо ходить вокруг и вблизи стада несколько часов, выбирая момент для атаки.

Солнце клонится к закату. Небо с запада затягивается дождевыми тучами. Ильич в спешном порядке сооружает над гамаком навес. Обезьяны насытились и устраиваются на ночлег. И в это время в поле зрения юноши оказываются четыре волка. Окружив дерево, они затягивают свою заунывную песню. Обезьяны обеспокоены. Ня на спине матери, мать перепрыгивает с ветки на ветку. Отступать с одинокого дерева некуда. Заметив хладнокровие друга, она прекращает суетиться.

На вой отзываются другие огненные хищники. Вскоре появляются ещё трое и тоже рассаживаются. Юре известна тактика противостояния этим зверюгам. Он выпускает стрелу в одного из осаждающих высотную крепость. Почувствовав боль, хищник отбегает, но стая настигает подранка, расправляется с ним и, насладившись парной кровью, продолжает осаду.

Обезьяны вновь проявляют повышенное беспокойство. Не предполагая, в чём дело, юноша тратит ещё одну стрелу. Ждать долго не пришлось. Зов свежей крови увлёк стаю вершить над собратом скорую расправу. Когда появилась пантера, волки слизывали с себя последние багровые капли. Они скучились. Пантера несколько раз обошла вокруг дерева.

Грянул дождь. Налетевший порыв ветра сорвал навес над гамаком и, закружив, отбросил к сидящим рыжим злодеям. Они отбежали, но ненадолго. Пантера села в ожидании, но нетерпение подгоняет дикую кошку. Юноша сидит с натянутой тетивой. И не зря.

Чёрная молния одним прыжком оказывается на полпути к гамаку. Стрела попадает в нос налётчицы. От боли или неожиданности, но пантера падает. Стая мгновенно набрасывается на неё. Но она не только успевает развернуться в полёте, чтобы приземлиться на все конечности, но умудряется взмахом когтистой лапы вспороть живот того из волков, который в прыжке пытался

клякстой пастью схватить её до приземления. Интерес своры сместился с пантеры на незадачливого сородича. Его быстро оттащили подальше от опасной соседки. Насытились они или из боязни, но к дереву больше не подходят.

Мгла сгустилась. Но и в непроглядной темноте виден жёлтый фосфорический блеск глаз тёмной, как ночь, охотницы. Во взгляде отражаются коварство, хитрость, нетерпение и злоба животного. На дереве всем не до сна. Надо что-то делать, чтобы не отражать стремительные натиски всю ночь.

Юноша метит в глаз. Зверь лапой срывает ветку и с бешеной яростью бросается на дерево. Ильич молниеносно хватается за копье и вонзает в плечо карабкающегося зверя. В дрекво вонзаются зубы, но рука удерживает оружие. Зубы лишь успели разжаться, а копье дробит ключицу и пронзает грудную клетку. Смертельно раненное животное падает и, злобно урча, уползает.

Дождь прекратился, когда поединок человека со зверем ещё не закончился. Только теперь можно уснуть. Орангутанги погрузились в чуткий звериный сон. Если возникнет новая опасность, они не проспят, дадут знать другу о необходимости быть готовым к принятию мер.

Солнечные лучи раннего утра испаряют впитавшуюся в почву влагу. Воздух пропитан ароматами буйной растительности тропической горной лесостепи. В атмосфере растворены щебетанье, насвистывание, клацанье и прочие атрибуты торжества неугомонного и никем не пуганного птичьего населения. Звуки сочны, словно их долго вымачивали в бродящем виноградном соке. Ко всему многоголосию раннего утра примешивается непохожий на остальные и непривычный звук. Он настораживает загадочностью и необъяснимостью, то исчезая, то появляясь вновь.

Обезьяны ещё нежатся в своих наспах сооружённых гнёздах. Их ничто не беспокоит. А человек старается понять, что порождает эти повторяющиеся вкрапления в мелодию тропического утра, в музыку первозданной природы. Так и не узнав источник настороживших его звуков, со всем немногочисленным багажом спускается с приютившего на пару ночей пристанища. Под деревом далёкие интригующие звуки не слышны.

Сутки вынужденного отдыха — и снова в путь, преимущественно под уклон. Редколесье с кустарниками и скальными выступами быстро заканчивается. Снова пошли сплошные, веками переплетающиеся дебри. Идти по ветвям с перевала вниз легче и быстрее. Если растительность позволяет, то при тех же усилиях пролететь удаётся дальше, чем на ровном месте.

Путешествие вниз по склону продолжается без приключений. Ближе к полудню непонятные утренние звуки возобновляются. Они приблизились, и теперь ясно, что впереди автострада. Настала

пора расставаться с друзьями. Нельзя допустить, чтобы умные обезьяны стали жертвами собственной доверчивости.

Юрий передаёт взрослой обезьяне лук, крепит пояс с колчаном, полным стрел, облачается в одежду. Брюки надел без проблем, а рубашку без рукавов и пиджак пришлось натягивать—за время пребывания в джунглях Юра выше пояса раздался по всем направлениям. Одевшись, отпугивает орангутангов. Они его не понимают. Тогда человек громко кричит, размахивает руками, топает, наступая на них. Они недоумевают и остаются на месте. От бессилия, что жесты непонятны друзьям, Ильич выламывает палку и с ней наступает на попутчиц. Те наконец-то видят перерождение друга в недруга и отступают от человека. Он, продолжая громко кричать, напоследок бросает палку в их сторону. Верные друзья скрываются среди чащи. Чтобы попутчики не вернулись и не продолжили следовать за ним, он своими криками нарушает гармонию природы до самой дороги.

Скрытый зарослями, юноша достаёт из кейса секретные документы и прячет их за пазуху. Индонезийские рубли на билеты и на неизбежные расходы оказываются в карманах брюк. Собственные новые документы и виза—там же. Неместную валюту, рубли и доллары, раскладывает между листами секретной документации. Кейс с прежним комплектом своих документов и с документами Павловича решает спрятать в приметном месте. Вдруг кому-то из сотрудников ведомства понадобится подтверждение правоты его доклада о командировке. По зарослям около дороги доходит до указателя расстояний на трассе Банджармасин—Баликпапан. Там закапывает кейс под грудой опавшей листвы.

Путешественник выходит на трассу и пытается остановить попутную машину. Он понимает, что выглядит не как все. Это и отпугивает водителей. Странность придают причёска, давно не видевшая инструментов парикмахера, и борода, непохожая на жидкие бородки индонезийцев. Борода курчавится и не выглядит безобразной. Усы, хоть и не вьющиеся, аккуратно, не топорщась, смыкаются с бородой. Не подправлявшиеся на щеках волосы и заросшая шея отличают Ильича от опрятного туриста. Нет при нём и вещей, даже небольшого саквояжа.

Наконец легковая машина тормозит. Пассажир тут же объясняет водителю, что плутает много дней и не знает, где вышел. Хочет уехать в аэропорт Банджармасина, но прежде надо посетить парикмахерскую. В ответ получает приглашение садиться. Им по пути. Знакомятся. Шофёр взял попутчика, чтобы не скучать в дороге. Юре страсть хочется выговориться с человеком. Он спросил, понимает ли его собеседник. Тот ответил:

— По всему видно, что ты иностранец, но для иностранца разговариваешь на индонезийском языке удивительно хорошо.

Попутчик отшутился:

— Значит, ещё не научился разговаривать, пока плутал.

— Как долго странствовал?

— Как долго—сам не знаю, счёт дням потерял. Но долго.

— А как очутился в джунглях?

— Отбился от группы. Или меня местные специально отбили. Заподозрил что-то неладное и в удобный момент рванул от «опекунов». Хорошо, что не успели выпотрошить карманы. Документы и деньги на карманные расходы при мне. Я расплачусь за проезд. И на парикмахерскую должно хватить. На билет вышлют родственники. Надо только зарядить телефон и SIM-карту поменять, если потребуется.

— А какие местные отбили тебя от группы? И как?

— Предложили посмотреть их быт. А кто они, представления не имею. Какая-то деревенька в джунглях. У одних одеяния цивилизованных людей, другие—полуголые.

Ответы попутчика кажутся водителю вполне правдоподобными, беседа продолжается.

— Это даяки. Тебе повезло. Документы им не нужны. Деньги они бы потом взяли. Если это деревня людоедов, то им нужен был ты сам. Удивительно, что тебе удалось перехитрить их и они прозевали твой побег.

— Не может быть. Какие людоеды в наше время?—изображает недоумение Юра.

— А я говорю, что ты счастливчик. Если бы не сбежал, остался бы от тебя только голый череп. Вот такие у меня соотечественники. И где же тебя носило?

— Ума не приложу. Ещё вчера был на каком-то хребте

— Хребет Марату. Вблизи другого нет,—уточнил владелец авто.

— Выходил на какую-то мутную реку, но путь преградило огромное озеро или водохранилище. Куда бы я ни пошёл, всюду наткнулся на воду. Пришлось уйти оттуда и от реки в противоположную сторону.

— Ничего себе, куда тебя занесло! Есть водохранилище на мутной реке Мартапуре. Тебе вниз по течению было бы ближе до аэропорта. До городка Мартапура от плотины водохранилища напрямую недалеко, километров тридцать. По реке чуть дальше, но там можно сплыть на лодке. Только довезут ли пассажира до города, или окажется он в мире ином—всё зависит от того, с кем поплывёшь. От городка до аэропорта пассажирский катер ходит. — Устал плутать между заливами водохранилища. Их там не сосчитать. Знать бы хоть правильное направление следования, так обошёл бы.

— Одно не укладывается в моём сознании: как тебе удалось столько проплутать по джунглям, а выйти в одежде как из магазина?

— Мы оба мужчины, и мне не стыдно признаться. На второй день странствий я сообразил, что выберусь к людям нескоро. Свернул одежду и обувь в рулон и опоясался валиком. Так и путешествовал до подхода к трассе. Да вышла незадача—пиджак с рубашкой подсели. От дождей, наверное.

Водитель присвистнул, покачал головой.

— Умеешь ты заглядывать вперёд. Теперь неудивительно, что тебе удалось перехитрить даяков.

Юрий не стал доверяться первому встречному. Вместо повествования о самолёте и о пассажирах рассказал небывлицу. Так у него больше шансов избежать беседы с полицейскими и быстрее окантаться дома. Будто прочитав мысли, водитель спросил:

— Где дом?

— В Москве квартира.

Собеседник снова присвистнул, но, как показалось Юре, к москвичу его отношение не поменялось.

— Есть у нас участок автомагистрали с неофициальным названием «Русская дорога». Умеют русские строить. Больше двадцати лет на участке не было ремонтов. Жалко, что не поладили с кем-то из нашего руководства и уехали, не достроив.

Машина остановилась около двери парикмахерской. Ильич спросил:

— Чем я обязан за проезд? Чего стоит?

— Ты мне рассказами переплатил. Но сдачи у меня нет. Считай, что мы квиты,—добродушно отозвался водитель и распрощался.

Девушка-парикмахер убедила юношу, что не надо удалять красивую бороду.

— Если её снять, то будет некрасиво смотреться часть лица, лишённая калимантанского загара. Чтобы не казаться неопрятным, достаточно подравнять на щеках, укоротить усы и убрать волосы с шеи.

И Юрий согласился на эксперимент с внешностью. Чувствовалось, что девушка, при её молодости, не новичок в профессии, а состоявшийся мастер.

После посещения парикмахерской выяснилось, что самолёт на Джакарту отправляется через четыре часа. Юра успел посетить магазины, где приобрёл дорожную сумку и одежду. Узнал он и адрес управления полиции в главном городе провинции Южный Калимантан. Билет в Джакарту приобрёл без проблем.

Полёт в столицу Индонезии, на остров Ява, занял времени меньше, чем продолжались регистрация билетов и посадка. Зная, что рейс на Москву будет завтра, поселился в одной из гостиниц ближе к аэропорту. Здесь он проставил даты в туристической визе. Освежился и, поменяв

одежду, стал больше похож на туриста. В городе соседствующие буддийские, католические и мусульманские храмы одинаково свято почитаются верноподданными прихожанами. Соседство их доказывает приверженность одних и терпимость других индонезийцев к религиям и их поклонникам. В городе без проволочек приобрёл билет на Москву.

Власти должны знать о месте падения самолёта. Необходимо сообщить его, чтобы родственники могли проститься с погибшими согласно их верованиям и обычаям. И Юрий, вернувшись в гостиницу, пишет письмо:

«Уважаемые сотрудники полиции. Мне известно, где находятся обломки самолёта рейса Манила—Джакарта, потерпевшего крушение в канун Нового года. То, что осталось от авиалайнера и от пассажиров рейса, находится под водой водохранилища на Мартапуре. Прошу предупредить аквалангистов, которым предстоит посетить затопленный салон. Зрелище внутри фюзеляжа не для слабонервных, и к этому необходимо морально подготовиться заранее.

Не имею возможности назвать координаты, но сообщаю ориентиры. Искать следует в заливе, по форме близком к окружности. Он находится севернее западной оконечности полуострова, изрезанного множеством заливов. Это большой полуостров. От западной точки до узкого перешейка у основания набирается пять сухопутных миль. В самом широком месте, на западе, суша простирается на две мили.

Стрелка на плане местности указывает место поиска. План прилагаю. Глубина до разлома в фюзеляже около десяти индонезийских футов. И это не в сезон дождей.

С уважением—доброжелатель».

Ильич отправляет письмо в упаковке для посылки, адресуя начальнику полиции в Банджармасине. — Когда посылка из Джакарты придёт в Банджармасин и её получат, я буду уже дома. Организация поисков—дело чести индонезийских властей.

На таможне, не обнаружив недозволенных для провоза вещей, сотрудник пристально всматривается в лицо пассажира с разных ракурсов. Он словно пытается убедиться, что человек на фото и есть стоящий перед ним обладатель бороды.

В аэропорту Домодедово самолёт индонезийской авиакомпании остаётся позади. Спускаясь по трапу, Юрий ощутил себя полноправным россиянином и москвичом. От «калимантанца» остались лишь борода, покрывающий всё тело загар да воспоминания.

Сотрудники ведомства, которых непросто удивить чем-то, не смогли скрыть, насколько ошарашены появлением коллеги «с того света». Руководство

ведомства оперативно ознакомилось с рапортом о командировке, предоставленным Юрием. Под предлогом необходимости пройти адаптацию, его отправили в трёхнедельный отпуск. Ему намекнули, что по выходе на работу его ждут продвижение по службе и присвоение внеочередного звания. Всё время пребывания на острове признано сроком командировки с причитающимися выплатами.

У Юлочки незамедлительно нашёлся утешитель. Он помогал несчастной девушке, когда жених

«сбежал», исчез перед бракосочетанием. Объяснить Юле, что всё не так, как ей представляется, оказалось невозможным. Попытки переубедить её — пустая трата нервов и времени.

За время отпуска Ильич описал приключения россиянина на Калимантане. Он представил своего героя туристом. Рукопись юноша отправил в редакцию литературного журнала в надежде, что *«Необычные приключения обыкновенного туриста»* будут опубликованы.